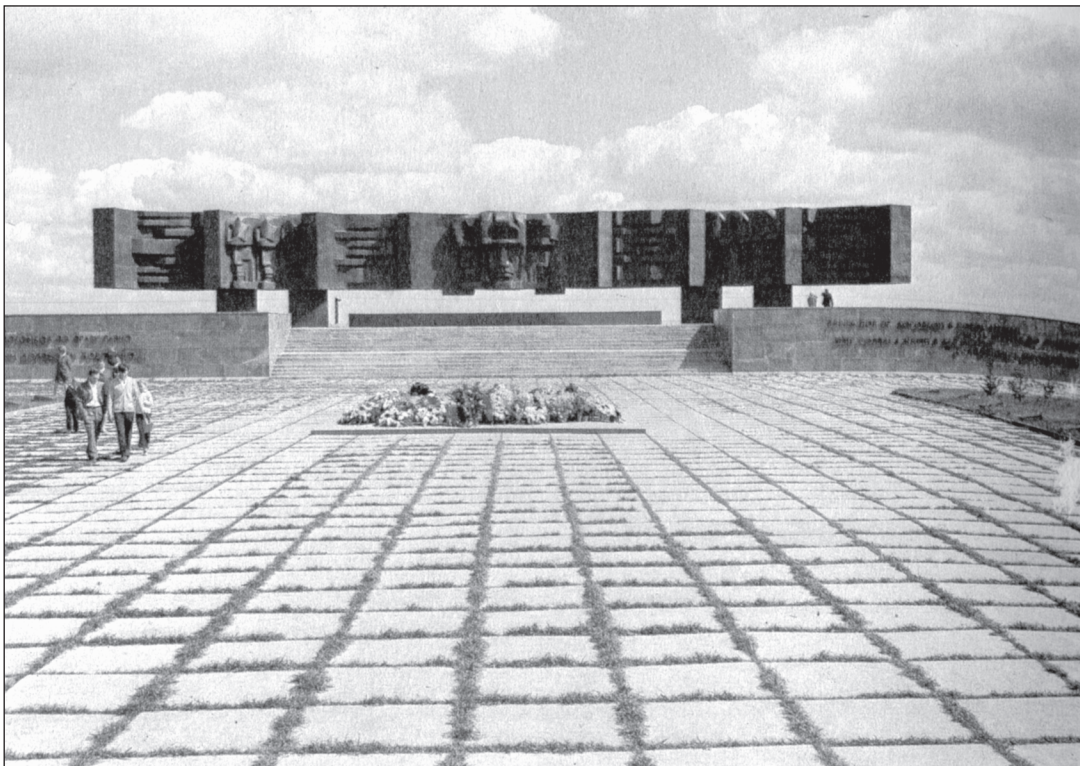

★

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА
Очерки и воспоминания

Мемориальный комплекс «Героям Курской битвы»

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ ТАНКИСТА КОЗЛОВА.

А. Богатырев
Инвалид ВОВ по ранению
Член Союза журналистов России

Имя Юрия Дмитриевича Козлова — большого саратовского ученого-селекционера хорошо известно агрономам и земледельцам не только нашей области, но и многих других регионов страны.

С 17 лет — он на фронтах Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Старший сержант. Стрелок-радист танка Т-34. Активный участник таких крупных стратегических операций Советской Армии, как Сталинградская и Курская битвы, битва за Днепр. На его боевом пути — знаменитое Прохоровское поле, которое он героически прошел 12 июля 1943 года во время встречного танкового сражения, в котором участвовало 1200 танков — советских и немецких. После войны Ю.Д. Козлов окончил Московскую ордена Ленина Сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева, став ученым-селекционером. В память о грандиозном танковом сражении под Прохоровкой он назвал один из созданных сортов яровой пшеницы «Прохоровка», увековечив, таким образом, подвиг однополчан родной 5-й гвардейской танковой армии в Курской битве.

Курская битва! Она занимает особое место в истории Великой Отечественной войны. Те героические события навечно остались с теми, кто сражался на Курской дуге летом 43-го с немецко-фашистскими захватчиками. Память о ней бережно хранится и передается из поколения в поколение. День окончания битвы 23 августа в календарях — День воинской славы России. Курская битва — неиссякаемый источник духовной силы в деле военно-патриотического, нравственного и гражданского воспитания школьников и молодежи.

Курская битва явилась важнейшим этапом в завершении коренного перелома в Великой Отечественной войне и во второй мировой войне в целом.

... Раннее утро 5 июля 1943 года. Рассеивался предрассветный туман, на небе появилась алая полоска зари. Стрелки часов фиксируют время — ровно три часа. И сразу же хрупкую фронтовую тишину разорвал мощный гул ар-

тиллерийской контрподготовки. Наши разведчики установили, что именно на это время назначено наступление немецко-фашистских войск. И стремясь опередить врага, советское командование отдало приказ нанести упреждающий удар. Тысячи орудий и минометов, сотни самолетов обрушили свой ураганный огонь на изготовившиеся к атаке вражеские войска. Полчаса бушевал смертоносный огненный смерч. Противник ошеломлен. Его планы, основу которых составляла внезапность, нарушены. Однако «военная машина» уже действует, и остановить ее невозможно. Таков закон военной стратегии. Через некоторое время немецко-фашистские войска перешли в наступление на северном и южном фасах Курской дуги. Враг сразу же почувствовал стойкость обороны Центрального (командующий генерал армии К.К. Рокоссовский) и Воронежского (командующий генерал армии Н.Ф. Ватулин) фронтов.

Прошло шесть дней грандиозной битвы.

Немцы продвинулись в сторону города Курска на обоянском направлении лишь до 35 километров. Итог наступления для них оказался незначительным. Они поняли, что им не сломить сопротивление советских войск на этом участке фронта. Тогда гитлеровское командование решило наступать на Курск окружным путем – через Прохоровку.

Это небольшая железнодорожная станция на линии Белгород-Курск. А рядом раскинулись сельскохозяйственные угодья села с красивым названием Прелестное. Всего в 56 километрах к северу от Белгорода и в 37 километрах от Обояни.

Противник, используя успех прошедшего дня, подтянул сюда, на новое направление, четыре танковые и одну пехотную дивизии. В их числе находились такие танковые дивизии, как «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». В группировке насчитывалось 700 танков. Сто из них были «тигры», а также десятки «пантер» и самоходных орудий «фердинанд» – боевая техника новейшего образца. Плотность на один километр фронта составила сто танков и самоходок. Такую насыщенность фашисты создали впервые за время войны. Продолжить наступление этими силами намечалось на утро 12 июля. К ночи они изготовились к прорыву нашей обороны. Этот контрудар немцы считали решающим сражением. По замыслу, оно должно было открыть им путь к Курску.

К более решительным действиям переходили и наши войска. Перед ними стояла задача: контрударом резервных сил, через Прохоровку на деревню Яковлево, окружить и уничтожить прорвавшуюся группировку врага. Основная роль в реализации плана предназначалась танковой армии Ротмистрова. В руках командующего сосредоточивалось, вместе с приданными двумя корпусами, 850 танков, в основном Т-34, и самоходно-артиллерийских установок. Было определено и время операции – утро 12 июля.

А пока гвардейцы-танкисты совершали

форсированный марш. От излуины Дона, где дислоцировалась армия, маршрут пролегал через Обоянь к Прохоровке. Это 380 километров пути. Пути изнурительного, тяжелого для техники и людей, длившегося несколько суток.

В беседах Юра делился пережитым на том марше с какими-то особенными интонациями: как будто этот марш для него только что завершился. И всякий раз создавалось впечатление, что он снова находится в своем танке там, в 43-м, в этом беспримерном по сложности переходе.

– Жара стояла невыносимая, пыль висела в воздухе непроницаемой для обозрения местности пеленой, – слышу голос своего друга. – Шли полевыми, проселочными дорогами. Они часто не совпадали с направлением нашего маршрута. Так что двигались и по пашне, пересекали овраги и рощи, преодолевали водные преграды. При всем этом соблюдалась тщательная маскировка передвижения. Усталые лица в пыли и масле видел перед собой ежедневно каждый из нас. Это когда собирались вместе на политбеседу. Или на привалах при разборе результатов пройденного пути. Я поддерживал с командирами подразделений постоянную радиосвязь. Поводов для жестких оценок того или иного события находилось достаточно. Случалось, танк останавливался: поломка. Пусть небольшая, на 30-50 минут ремонта. Но это уже недопустимая небрежность экипажа в подготовке машины. А где гарантия, что с танком не случится подобное в бою? Живая мишень, подарок врагу. Форсировали какую-то речку. Механик-водитель и командир одной из машин неправильно оценили крутизну берега при спуске. Сорвались. И легли почти на бок. Гром и молнии летели по радиосвязи от ротного, из штаба полка. Движение застопорилось. Особенно сложно было на марше в ночные часы. Нет, не зря в армии, мягко говоря, муштруют и учат солдата. Все идет ему и армии на пользу ...

Гвардейцы прикидывали: с поворотами и обходами на гусеницы накрутило более четырехсот километров. Сдержанно радовались, что выдержали, что к месту сосредоточения пришли по графику. В полку не было отставших. Успешному окончанию форсированного марша, по словам Юры, способствовало (о чем он узнал много позже) то, что в бригаде заранее был скрупулезно отработан порядок следования и четко выверены маршруты выдвижения рот, полков. С соблюдением требований использовался суточный запас хода танков.

По радиосвязи командование объявило личному составу благодарность за этот переход. А армейская газета «На штурм» даже напечатала о 55-м гвардейском танковом полку небольшую заметку. Внимание газеты привлек тот факт, что это был первый опыт переброски целой танковой армии своим ходом на столь большое расстояние. К тому же по пыльным дорогам при жаркой погоде. И основное – в условиях секретности для противника. Солдаты, командиры и машины выдержали испытание на прочность. В установленный час армия заняла рубеж в 7-8 километрах от Прохоровки. Район развертывания – это до пятнадцати километров по фронту.

Маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров в книге «Танки на войне» указал на то, что «для немецко-фашистского командования появление такого большого количества советских танков на поле сражения явилось полной неожиданностью и спутало все его расчеты на прорыв нашего фронта обороны в районе Прохоровки».

Один день был отведен на подготовку к наступлению. Проверяли и приводили в порядок материальную часть. Заправляли танки горючим, укладывали боеприпасы. Чистили личное оружие. В ночь перед боем, наверное, мало кто спал. Приказ о начале контрудара утром 12 июля был объявлен еще с вечера. Выдвижение для атаки назначено на 7 часов 30

минут. От солдата до генерала – все были готовы вступить в бой. Ни в подразделениях, ни в штабах никто не знал и даже не подозревал, что утром гвардейцы-танкисты станут участниками грандиозного встречного сражения двух танковых армий – советской и немецкой. Случай в практике ведения войн редкий, когда противники, каждый, рассчитывая на внезапность, назначили бы на одном и том же участке один и тот же день и час для нанесения друг другу контрудара. А здесь, у Прохоровки, так именно и произошло.

... 12 июля. Раньше обычного – по времени с первыми лучами солнца, но при пасмурном небе – ротные повара накормили своих воинов. Прошумел небольшой дождь, вызвав оживленные разговоры в экипажах.

– Эх, хоть бы денек выдался попрохладнее вчерашнего, жарница становится уже невмоготу, – несколько мечтательно произнес старший сержант Козлов.

То ли дело зима-зима. Мороз по коже пробегает, никакой тебе жары. Благодать, – шутливо отозвался башенный стрелок младший сержант Клещев.

Посевы кругом неплохие, помню их немало гусеницами, погубим. Жаль хлебное поле, – с ноткой горечи прозвучал голос командира танка младшего лейтенанта Занозина.

– Примнем, но они поднимутся, – высказал свои хлеборобские познания механик-водитель старшина Крохта.

В таких вот отвлеченных от войны, тихих переговорах бойцы вели счет минутам ожидания, возможно бессознательно замедляя рост душевного напряжения. Патриотический порыв у всех экипажей один – скорей вступить в схватку с врагом, уничтожить его, не пропустить к Прохоровке.

Да, острие танковой атаки приходилось на пыльное хлебное поле. По нему должна прокатиться война. Посевы уже созревали, ждали косарей. Близилась жатва. Несмотря на все тя-

готы жизни во фронтовой полосе, земледельцы, а это были старики, женщины и подростки, сумели вырастить сравнительно неплохой урожай. А теперь они решали непростую задачу: как при наличии минимальных людских рук и отсутствия технических средств быстрее справиться с уборкой урожая. И одновременно ждут, пока фронт уйдет на запад. Местные жители в думках не держали, что на их хлебном поле произойдет танковый бой. И что от взлелеянных ими посевов не останется и следа ...

В 8 часов на передний край немецкой обороны и боевые порядки танковых дивизий обрушила огонь наша армейская артиллерийская группа. Потом ударили артиллерийские батареи непосредственной поддержки танков. Еще продолжался шквал канонады, как прозвучали первые залпы гвардейских минометов. Как раз они-то, эти залпы «катюш», и были сигналом начала танковой атаки. Об этом знали танкисты. Вместе с тем, этот сигнал был еще и продублирован по радио. Одновременно в эфире появились позывные «Сталь!», «Сталь!» Этого слова с нетерпением ждали радисты всех машин и штабов. Ибо оно означало для командиров танков, взводов, рот боевой призыв – «Вперед, в атаку!» Сброшена маскировка. Взревели моторы, заскрежетали траки. Танки 5-й гвардейской армии, подминая молодые деревца, выскакивали из укрытий. По заранее подготовленным саперами проходам они миновали передний край своей обороны и устремились к немецким рубежам. Впечатляющий момент танковой атаки! Грозная сила рванула вперед!

– Как правило, – делился своим опытом Юра, – танки прорывают оборонительные укрепления противника, подавляя огневые точки и уничтожая живую силу. И таким вот образом – огнем и гусеницами, – мы прокладывали путь нашей «матушке-пехоте». Воюем совместно со стрелковыми подразделениями. При их поддержке. Точнее – при взаимной поддержке. Так решается тактическая задача. Что же

касается оперативной задачи, то в этом случае танки действуют уже самостоятельно. Они развивают успех наступления в глубину обороны врага. Дело обычное – привычное. И на этот раз мы были нацелены именно на такие действия! Нам дай простор, чтоб было, где развернуться! Однако реальность представила атакующим совершенно непредвиденную картину. И сейчас, когда рассказываю об этом, уверен, что все наши экипажи тогда почти одновременно увидели впереди, в полутора-двух километрах лавину танков противника. Сотни их спускались с пригорка навстречу нам. Впереди шли «тигры» и «пантеры». Они открыли стрельбу с дальней дистанции. В наших рядах появились первые потери ...

По радио прозвучал голос командира полка: «Я – «Сосна». Навстречу движутся танки противника. Скорость не снижать и не сворачивать. Идти на них!» Радист Козлов мгновенно передал приказ ротному и взводным командирам.

Развертывающееся встречное танковое сражение на Прохоровском поле гвардии старший сержант стрелок-радист танка №129 Козлов видел через смотровую щель и прорезь прицела своего пулемета. И не только наблюдал, а и сам находился на острие атаки. Короткими, злыми пулеметными очередями он бил по пехоте, отсекая и прижимая ее к земле, не давая возможности приблизиться.

Неоспоримо: свидетельство очевидца и непосредственного участника любого события – достоверный источник для памяти об историческом прошлом.

На небольшом пространстве, зажатом между рекой Псёл и железнодорожной насыпью, друг на друга стремительно и неумолимо накатывались две танковые лавины. Для наших танкистов такое скопление сил врага, преграждающих им путь, было неожиданным. Командование предполагало застать противника врасплох. Теперь же, быстро разобравшись

в обстановке, оценило возникшую ситуацию. Стало очевидно, что немецкие и советские войска одновременно перешли в наступление. При этом выбрали для прорыва один и тот же участок. Не только гвардейцы не готовились к подобной встрече, но и фашисты не ожидали натолкнуться на такую огромную силу.

Еще раз отмечу: в сравнении с нашей «тридцатьчетверкой» немецкие «тигры» несли более мощную броню. И пушки были сильнее. Пробивать такую броню наши снаряды могли лишь с близкого расстояния. Первая встреча с этими тяжелыми танками под Сталинградом в 1942 году выявила и слабые стороны. В частности, они обладали недостаточной поворотливостью, маневренностью. Имели и уязвимые места – борт, корму, ходовую часть. В тех боях наши истребители танков быстро научились укрощать «тигров» и «пантер». Полученный опыт широко и настойчиво распространялся в войсках, о чем я уже упоминал.

Танки на танки. Сближались, не снижая скорости. Потребовались всего лишь минуты, чтобы они вошли в зону досягаемости для стрельбы. И теперь огонь изрыгали жерла всех орудий сражающихся сторон. Отдельных выстрелов уже не было слышно. Они не различались, потому что слились в мощный непрерывный гул. Сверкали огненные вспышки тысяч пушечных выстрелов. Наши танки лобовым ударом врзались в боевые порядки фашистских танков.

Машины двух лавин перемешались в результате пронизывания одного строя другим. Вскоре стало уже невозможным определить: где свои, а где чужие. Сходились так, что мешали друг другу выстрелить. Пятились. Наскакивали вновь. Завязывался ближний бой. Экипажи уже не могли разойтись. Кружились, маневрировали. Каждый делал попытку извернуться таким образом, чтобы наверняка поразить другого. Чей снаряд угодит точнее, тот и выиграет единоборство. И так бились до тех пор, пока

один из танков не останавливался с перебитой гусеницей или не замолкал, схваченный пламенем, развороченный взрывом. По танку производилось сразу несколько выстрелов из разных машин. Который из них достигал цели, из какого танка был выпущен этот снаряд, установить невозможно. Счет подбитым оставался общим.

В первый час боя взвод лейтенанта Селезнева, в составе которого находился и танк Козлова, открыл счет поверженным врагам. Заметив, как один немецкий танк, огибая, очевидно, препятствие, повернул в сторону и открыл борт, взводный подал команду:

– Ориентир три. По ближнему ... Бронбойным. Огонь!

Раздались сразу три выстрела. Танк вздрогнул, сполз с оборвавшейся гусеницы. И тут же над ним взметнулось сначала пламя, затем он вспыхнул как огромный факел. Вражескую машину окутал дегтярно-черный шлейф густого дыма. Из люка выскочили двое фашистов. Пулеметные очереди стрелка-радиста Козлова и его боевых друзей были точными.

Пыль и дым сплошной завесой обволакивали землю. Обзор из танка в иные моменты приближался к нулю. Тогда командир танка младший лейтенант Занозин высовывался из открытого люка, наблюдал, оценивал увиденное, выискивал цель и подавал команду водителю Крохте, стрелкам Козлову и Клещеву. Надо полагать, он при этом хорошо понимал, что сам становится мишенью для пуль и осколков. По-другому нельзя было действовать. Собственно говоря, о самосохранении в бою думать некогда. Знаю об этом из собственного опыта пехотинца.

Сражались все, кто мог двигаться, видеть, стрелять. Десятки свидетельств того, как из подбитых танков экипажи продолжали вести огонь. Это означало, что в машине сохранилось не поврежденным вооружение, а боекомплект израсходован еще не весь. И даже став безоружным, советский танк оставался опасным для

врага: экипаж смело шел на таран. Оставшиеся в живых члены экипажей подбитых или сгоревших танков продолжали бой в пешем строю пулеметным и автоматным огнем, гранатами. Вступали в рукопашные схватки с гитлеровскими танкистами.

Огня было море. Горели танки, посева, трава, земля. Земля стонала и гудела. От прямых попаданий снарядов танки вспыхивали как свечи. Верно подмечено! Густой черный дым столбом поднимался ввысь. В некоторых местах огонь стоял стеной. И не имея возможности обойти эту «стену», танк буквально протыкал ее собой. При этом экипаж знал о стопроцентном риске воспламениться самим. Почти каждый экипаж преодолевал огненную завесу. По воспоминаниям Юры, их экипаж танка № 129 даже дважды пробивался сквозь огонь:

– Видимость – хуже некуда. Ничего не разберешь. Механик-водитель Дима открыл свой люк. Для лучшего обзора. И тут же забыл о нем. Но вот впереди встала «стена» огня – горела земля, очевидно, тут была лужа горючего. Дима «нырнул» в это пекло. И дико закричал: «Ой, горю». Мы подумали о танке. Но выяснилось, что это пламя пахло жаром в открытый люк. Конечно, обожгло лицо. К счастью, не более, чему все обрадовались. А мог бы Дима и серьезно пострадать. Обошлось ...

Нет, наверное, так и не пройдет у фронтовиков удивление тому, как человек мог выдержать накал боя, подобного прохоровскому. Физическое перенапряжение и усталость все сильнее давят на танкистов. Уже шесть часов, как сошлись во встречном сражении две танковые лавины. И сколько еще продолжится это единоборство – неведомо никому. Стоит июльская жара. А внутри танка температура вообще невыносимая. Раскаленный воздух – сплошная гарь и пыль. Дышится тяжело и с трудом. В ушах и в голове нескончаемой болью отдается непрерывный гул от взрывов и ударов о броню снарядов и осколков, скрежета металла. Му-

чает жажда. И весь день без пищи. Правда, об этом не думалось. На всем этом нельзя сосредоточить внимание. Иначе погибнешь, погубишь товарищей. Забудешь о своей обязанности в бою на миг, считай, что ты уже не боец.

Рассказывая о самочувствии, о состоянии организма в тех условиях, Юра инстинктивно подносил руку к голове, потирая виски. Этот жест утверждал экстремальность тогдашней обстановки июльского дня на Прохоровском поле.

– Башенный стрелок ловит цель и по команде выпускает из 76-мм пушки снаряд за снарядом. Стрелок-радист короткими прицельными очередями из танкового пулемета бьет по пехоте,двигающейся под прикрытием танков, расстреливает орудийные расчеты и танкистов, выскакивающих из подбитых машин, – перечислял обязанности членов экипажа Юра. – Вместе с тем, у меня, как стрелка-радиста, есть и другие обязанности. И тоже – сложные и ответственные. Во-первых, налаживание безотказной связи, связи двусторонней. Во-вторых, обеспечение безаварийной работы рации. Были моменты, когда приходилось и стрелять, и поддерживать связь одновременно. На Прохоровском поле возникали дополнительные радиопомехи. Слуха радистов, в том числе и моего, достигали лишь отдельные слова или даже их обрывки. Из них приходилось буквально «склеивать» фразу. Грохот боя снижал слышимость и она, помню, была отвратительной.

Бой, в котором сошлись две танковые армии противоборствующих сторон, ветеран войны Юрий Дмитриевич Козлов назовет в одном из выступлений перед школьниками «рукопашной танков». Да, танки дрались с танками. И, по мнению специалистов, это определение «дрались» означает больше, чем просто «дуэль». Тогда в «полубовном» поединке сходятся один на один. На Прохоровском поле зафиксировано более восьмидесяти таранных ударов, произведенных советскими танкистами по вра-

жеским танкам. Они шли на этот смертельный прием боя, в основном израсходовав боеприпасы. Были совершены и огненные тараны, когда экипаж направлял свой горящий танк на танк врага. Самопожертвование во имя Победы! Эти примеры – яркое подтверждение высокого морального духа и беззаветной любви к своей Родине советского солдата.

К середине дня наши войска остановили врага на Прохоровском направлении, прочно закрепились на занятых рубежах. В штабах отметили: натиск противника начал ослабевать, выдыхаются фашисты, ударная группировка смята. Но сражение еще не закончилось. На поле битвы огонь и смерть. Во второй половине дня противник перебросил сюда с других участков фронта резерв в 200 танков. Свежая танковая волна с новой силой обрушилась на гвардейцев-танкистов. Это была последняя попытка гитлеровцев прорваться, сокрушить наши части. Схватка продолжалась с не меньшим ожесточением, чем в первой половине дня. Но и подкрепление не спасло положение. Бронированный кулак врага окончательно разбился о стойкость наших воинов. Прорваться к Прохоровке немцам так и не удалось. Более того, за весь этот длинный летний день они ни на метр не продвинулись вперед. Цель, которую ставили фашисты перед собой, была так же далека, как и накануне.

Гигантская танковая битва продолжалась с утра до самого заката солнца. И только с наступлением сумерек гул боя начал постепенно стихать. На землю опускалась долгожданная тишина.

Подала голос радиостанция: «Луна, Луна! Выходим из боя на исходные». Разгоряченный и измотанный многочасовым сражением командир танка Занозин, приняв приказ, сразу и не сообразил, что же следует предпринять. Как выходить? Разве бой окончен? Немцы еще стреляют. Нельзя же подставлять себя. Вдруг где-то сохранил свою живучесть подбитый фашист.

Или притаилась противотанковая пушка. Увидят легкую добычу – открывшиеся борт, корму – всадят снаряд. Сначала попятились. Младший лейтенант приоткрыл люк, чтобы улучшить обзор. Увидел, что справа и слева отходят соседи. Повеселел командир. Но уже через десяток-другой метров понял, что по прямой пути нет, слишком часто стояли мертвые танки и самоходки, чужие и свои. Шли зигзагами, лавируя. Подняли на броню двух раненных танкистов.

Стрелок-радист Козлов смотрел на затихавшее поле брани через прицел пулемета и думал: «Несоизмеримо время движения. Чтобы пройти это поле с боем, понадобился целый день, более двенадцати часов. Отстояв его от врага, на возвращение мы затратили менее одного часа». Члены экипажа, выбравшись из танка, сразу же прислонялись к нему: ноги не держали. Еще бы! Почти тринадцать часов в огне и грохоте. Каждый похлопал ладонью по броне, как человек человека по плечу. Знак благодарности за то, что люди и машина остались целы.

- Спасибо, дружище, здорово выручил сегодня, – с душевной теплотой промолвил стрелок-радист Юрий Козлов.

Обойдя вокруг машины, механик-водитель Дмитрий Крохта произнес взволнованно:

А ведь нам чертовски повезло, ребята. Одиннадцать вмятин я насчитал. Это боевые раны славной нашей «тридцатьчетверки». Выдержала и два рикошета. Он спасла сегодня нас.

Постройтесь друзья, – торжественным тоном начал командир танка Игорь Занозин. – Я объявлю вам, друзья, благодарность за высокое воинское мастерство, отличное владение оружием, хладнокровие и мужество, проявленные сегодня. Спасибо! А теперь, не дожидаясь повара, устроим обед и ужин. Прикоснемся к неприкосновенному запасу пищи. Старший сержант, бегом за водой.

Усталыми до изнеможения, почерневши-

ми от дыма и копоти, обожженными огнем, почти оглохшими от грохота – такими эти люди почувствовали себя. И лучшей награды за дневной подвиг, чем отдых – не находили. Так в неторопливом разговоре за поздним сытным ужином строили планы солдаты. Отдыху, казалось бы, и следовало «объявиться». Однако до него было не то, чтобы далеко, а он вообще не предвиделся в ту ночь, как показали дальнейшие события. Поступил приказ: за ночные часы отбуксировать все подбитые танки полка. Вывезти раненых и тела погибших товарищей.

Вновь приказ: «По машинам!» Ожили моторы. И теперь перед взором гвардейцев со всей своей трагической действительностью предстала картина результатов встречного сражения двух танковых армий. Результата, в который они вложили днем всю мощь огня своих танков, всю свою физическую и духовную силу защитников Родины.

Тучи пыли и гари медленно поднимаясь, уплывали за горизонт, освобождая небо звездам и луне. Спеющее золотистое хлебное поле, каким оно запомнилось и выглядело с утра, теперь было черным. Сотни танковых гусениц вмяли посева в жирный чернозем, превратив пахотный слой плодородной почвы в пыль. Снаряды и мины изуродовали поверхность сплошными воронками. Огонь оставил после себя выжженную территорию. Здесь только что отгремела «танковая сеча». И поле стало похоже на огромную свалку искореженной техники. Свидетели и участники встречного сражения – сотни разбитых и сожженных танков: наших и вражеских. Многие выглядели как бы куцыми. Такой вид они имели оттого, что с них были сорваны башни. От попадания снаряда внутри танка взрывался боекомплект. Сила такого взрыва настолько велика, что башню вместе со стволом пушки отбрасывало далеко в сторону от погибшей машины. Повсюду торчали вдавленные в землю пушки и минометы. Тут и там виднелись бронетранспортеры. И среди

всей этой, еще несколько часов назад грозной техники, – тысячи лежащих в разных позах человеческих тел, погибших и раненых танкистов, пехотинцев, артиллеристов двух армий, немецкой и советской.

Догорало железо. Земля источала дым.

Слева, у перевернутого «немца» стоит наш. Пушка опущена.

Давай к нему, механик. Приблизившись, увидели номер – 277.

Две семерки, – командирский.

Именно так, лаконично: «Две семерки» – называли этот танк с момента его получения. И понимали, что речь идет о командире роты. Выскочили наружу. Осмотрели место, обошли вокруг каждого танка. Наткнулись на трех убитых фашистов. Попытались представить ход схватки. Поднялись на броню «тридцатьчетверки». Крышка верхнего люка сорвана. Заглянули внутрь. И оцепенели: кровавое месиво. Вражеский снаряд разорвался внутри танка.

Юра, свяжись со штабом.

Готово, третий на связи.

– Докладывает командир танка 129 Занозин. Нашли командира роты. Все на месте. Все мертвы. Выводим.

– Ротный протаранил фашиста. Пушку свернуло от удара. Вот эти метры двигался задним ходом. Развернулся. Стрелять не мог. Поэтому и не упредил «тигра». И тот выстрелил, – высказался башнер.

Пробоина в лобовой броне от «тигра». Снаряд вошел между радистом и водителем, – вставил механик.

Откуда же он бил. И получил ли по заслугам, этот проклятый зверюга, произнес командир, подавая команду к движению.

Почти до рассвета оставшиеся в живых гвардейцы-танкисты всех подразделений полка занимались поиском и отбуксировкой своих одиннадцати подбитых танков на сборные пункты аварийных машин.

Помогали похоронной команде и санита-

рам выносить убитых и раненых. Эта печальная, но обязательная после боя работа была прервана радиогаммой: «55-му полку ускоренным маршем передвинуться в квадрат семь». Командиры сверились с топографическими картами. Пункт прибытия находится в 26 километрах южнее Прохоровки.

Срочная переброска диктовалась изменившейся к худшему оперативной обстановкой на том участке. Разведка установила, что враг не отказался от своего плана и решил сделать еще одну попытку прорваться, смять нашу оборону, выйти все-таки к Курску. При этом, наступление свежими силами немцы наметили осуществить не откладывая, уже утром 13-го. Ясно, что такой возможности противнику нельзя было давать. Командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин учитывал, что наши стрелковые дивизии в оборонительных боях понесли ощутимые потери, ослаблены. Поэтому непосредственно на передний край обороны и выводились части 5-й гвардейской танковой армии. Прежде всего, командование приняло меры по усилению противотанковой обороны. В этих целях до двух третей имеющихся в ротах танков ставилось непосредственно в оборону, в боевые порядки пехоты. Суть состояла в том, что для танков рыли углубления в земле. Из укрытия над поверхностью едва выступали башни со стволами пушек. Получались своего рода бронированные доты. Пехота и артиллерия приобретали надежную огневую защиту. Ну а для противника, как показали бои, такие мощные огневые точки стали препятствием – «орешками» не по зубам. Данный прием использования танков, когда они стреляют с закрытых позиций, впервые в столь крупных масштабах был применен именно здесь, в Курской битве.

Полк прибыл на отведенный участок у деревни Авдеевка. Каждый танк занял место, которое должно стать огневой точкой. Командирам рот и взводов радист Козлов передал радиогамму: «Приступить к оборудованию

позиции». Танкисты хорошо понимали: следует быстрее и надежнее зарыться в землю. Крепче будет оборона – враг не пробьет ее. Гулко застучали лопаты, вонзаясь в ссохшуюся от жары землю. Работали споро, однако взводный время от времени торопил, покрикивал. В помощь танкистам из находившихся впереди окопов приползли пехотинцы. Укрытия для танков были уже почти сооружены, когда в воздухе появились вражеские самолеты. Насчитали 17 пикирующих бомбардировщиков «юнкерс». Над позицией они сделали два захода. Чернокрылые стальные птицы, завывая, пикировали чуть ли не до самой земли, строча из пулеметов, сбрасывая бомбы. Настоящий грохочущий ад устроили фашисты.

– «Степь. Степь», – я – «Луна», я – «Луна», – передает радист Козлов в штаб бригады. – Есть потери от бомбежки. Сгорели три танка. Убит командир полка подполковник Ревин.

Тут же последовало: «В командование полком вступить начальнику штаба майору Балахнину».

– В командирский танк было почти прямое попадание авиабомбы, неторопливо, вновь переживая гибель однополчан, вспоминал Юра. – Потом, после боев я смотрел, метрах в семи разорвалась. «Тридцатьчетверку» перевернуло, она вспыхнула. Экипажу и командиру полка выбраться из машины не удалось. Отбомбившись, самолеты ушли. Как-то не отметил тогда: мешали им наши «ястребки» или нет. Скорей всего «гансы» действовали безнаказанно в тот раз.

От «юнкерсов» досталось и танку Козлова. Крупный осколок бомбы нашел-таки свою жертву, угодив в ствол пушки и перерезав ее пополам.

– Осмотреться, проверить, – раздалось в шлемофонах.

Башенный стрелок глянул в смотровую щель и ахнул: «А пушки-то и нет». Выбрались из машины. Огляделись. Половина ствола валялась

в метрах десяти. «Сволочи...», – трехэтажные крепкие слова повисли в воздухе. Негодование лилось через край.

– Это что же получается, дорогие мои друзья. Уцелели вчера в такой мясорубке, а тут выискался какой-то недобитый Ганс. И имел-то, может быть одну-единственную бомбу, и угодил фашист проклятый прямехонько в нас, – сокрушался башенный стрелок.

Чтоб тебе ни неба, ни земли, – подняв голову, грозил кулаком механик-водитель.

Можно, конечно и так палить. Вот только снаряд дальше открытого люка механика не улетит, – пошутил стрелок-радист.

– Придется топать к ремонтникам. Радист, соедини меня с помпотехом, доложу о потере, – принял решение командир.

Через несколько минут поступило сообщение, чтобы ждали ремонтников. Ничего не поделаешь. Только и оставалось, что надеяться. Но не дождались технической помощи. Немцы обрушили на стрелковые окопы и позиции танкистов и артиллеристов мощный шквал огня. Вздыбленная разрывами снарядов земля не успевала оседать. Кругом горело и рвалось. Осколки мин и снарядов барабанили по броне. Те 15-20 минут вражеской артподготовки каждому показались вечностью. Хотя к артиллерийским налетам у солдат давно выработалась стойкая привычка. Но вот радист уловил по радиации голос командира роты с наблюдательного пункта: «Луна, Луна. Началась танковая атака немцев. Ждите сигнала». Часы показывали 8.40 утра 13 июля.

Конечно, лишившись пушки, экипаж утратил силу огня. Пулемет же в руках стрелка-радиста Козлова действовал безотказно. Его задача, как и других стрелков, заключалась в том, чтобы бить по пехоте, сопровождавшей танки и имевшей цель под их прикрытием дойти до наших окопов. Заставить уцелевших фрицев остановиться, залечь, отползти назад на свои позиции. Ну, а борьба с танками – это забота орудий, бронебойщиков, гранатометчиков.

Ринувшиеся в атаку немецкие танки свежей дивизии и на этом направлении напоролись на жгучую сталь бронебойных снарядов. Поле боя гудело и сотрясалось от взрывов. Тут и там замирали подбитые танки. И вот вражеская пехота не выдержала смертоносного заградительного огня обороняющихся, залегла, стала отползать назад. Начали пятиться и танки. Первая атака фашистов была отражена. За ней последовали не менее яростные – вторая, затем третья, четвертая. И ни в одной из них немцы не сумели приблизиться к линии обороны. Все они были отбиты с большими для них потерями. Наступила тревожная ночь. Наши знали, что утром возобновятся атаки, готовились к отпору. Спать танкистам опять не пришлось. Впервые пополнились боеприпасами, люди на себе подтаскивали их за полкилометра. (Танки-то неподвижны). Члены экипажей по двое поочередно ходили-ползали на передвижной пункт за снарядами и патронами. На второй и третий день натиск врага не ослабевал. Устояли солдаты стрелковой дивизии, боевые порядки которой усилили гвардейцы-танкисты 55-го танкового полка 12-й механизированной бригады. Немцы выдохлись, перешли к обороне. Но не надолго. Наши войска не дали им закрепиться. Погнали прочь. Пополнившись резервами, усилив свою боеспособность, танкисты включились в новые бои.

В приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина от 24 июля 1943 года сказано:

«Вчера, 23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска ... В ожесточенных боях наши войска измотали и обескровили отборные дивизии немцев и последующими решительными контрударами не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занимаемое ими до 5 июля, но и прорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Орла от 15 до 25 километров.

Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойденные образцы упорства, стойкости и героизма бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и минометчиков, танкистов и летчиков ...»

Гвардии старший сержант стрелок-радист танка № 129 Ю. Козлов получил от Верховного Главнокомандующего И. Сталина «Благодарность за удержание Прохоровского плацдарма».

В книге «Стальная гвардия» командующий 5-й гвардейской танковой армией Павел Алексеевич Ротмистров так сказал о боях 12 июля на Прохоровском поле:

«По-моему, в это день не было танкистов, артиллеристов, мотострелков, связистов, которые бы не проявили отваги и боевой доблести в схватках с врагом. Все, кто бился в Прохоровском сражении, были настоящими героями».

Высочайшая похвала мужеству Советского солдата!

Прохоровское поле танкиста Козлова... Оно осталось в его памяти на всю жизнь. Юрий Дмитриевич однозначно считал главным на своем боевом пути именно Прохоровское поле, на котором произошло грандиозное встречное танковое сражение Великой Отечественной войны. Ибо на нем было и опаснее, и страшнее. Величие подвига советских танкистов в битве на

Прохоровском поле не тускнеет от неумолимого бега времени.

После демобилизации из рядов Советской Армии Юра окончил 10-й класс вечерней школы рабочей молодежи. В 1946 году он поступил на первый курс агрономического факультета Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. Здесь и состоялось мое знакомство с этим незаурядным человеком. Знакомство, переросшее в шестидесятилетнюю дружбу.

Учебное поле для студента Козлова оказалось в его жизни, как и Прохоровское – знаковым. Он окончил академию по специальности «ученый агроном-селекционер», получив диплом с отличием.

Став селекционером, Юрий Дмитриевич создал сорт высокоурожайной яровой пшеницы и дал ей имя «Прохоровка». Так давнишняя, многолетняя задумка увековечить ратный путь однополчан 5-й гвардейской танковой армии обрела практическую материализованную реальность. Ученый предназначил новый уникальный сорт для климатических условий, в том числе и Белгородской области. Естественно, первые испытания сорта проходили на здешней земле – на делянках местного сортоучастка. И вскоре пшеница «Прохоровка» получила широкое распространение в стране. Весной 1999 года на празднование Великой Победы в Прохоровку приехала делегация Саратовской области. И не только в качестве почетных гостей – участников Курской битвы. Ветераны привезли с собой несколько мешков семян пшеницы сорта «Прохоровка», чтобы высеять их непосредственно на самом Прохоровском поле. У кромки участка тщательно обработанной почвы стоял трактор «Кировец» с сеялками. Члены нашей делегации – ученый-селекционер, автор сорта пшеницы «Прохоровка» танкист Ю.Д. Козлов, Герой Советского Союза кавалерист Г.Ф. Платонов, артиллерист Р.М. Иконников, пехотинец Г.В. Фролов, губернатор области Д.Ф. Аяцков взялись за дело как заправские хлеборобы-механизаторы.

Он провели сев с высоким качеством. Знаменитое Прохоровское поле приняло семя получившей заслуженное признание высокоурожайной яровой пшеницы сорта «Прохоровка», ставшего своего рода памятником. Факт символичен!

Но не в одних таких вот малых формах, как название или мемуарная и художественная литература, но и в крупных экспозициях, монументальных ансамблях находит свое выражение священная память народа о тех, кто ковал Победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

В городе-Герое Москве на Поклонной горе 9 мая 1995 года в честь 50-летия Великой Победы был открыт Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и Мемориальный ансамбль – комплекс воинской славы народу-победителю. Этот памятник фронтовикам и труженикам тыла, всему советскому народу занимает площадь в 135 гектаров. Один из диорамных залов обширной экспозиции посвящен битве на Курской дуге. В основу сюжета художник Николай Присекин положил реальные события одного из 50 дней битвы. Этот день – 12 июля 1943 года, когда произошло встречное танковое сражение на Прохоровском поле. Любой член экипажа каждого танка нашей пятой танковой армии вправе сказать, что это именно его танк изображен художником на диораме в боевом эпизоде лобового столкновения танковых лавин», – вернувшись однажды из столицы, делился увиденным на Поклонной горе Юрий Дмитриевич.

Автострада Москва –Симферополь. Железнодорожная станция Прохоровка. Взору проезжающих на автомашинах 624-й километр шоссе открывается величественный мемориальный комплекс «Героям Курской битвы». Многие водители делают остановку, чтобы почтить память участников знаменитого сражения в годы Великой Отечественной войны. На облицованном мрамором постаменте навечно застыл в своем стремительном движении прославленный танк Т-34. На широкой площади за

танком на стилобате развернулась 44-метровая дугообразная монументальная стела с рельефами из красной ковanej меди. Справа и слева со стилобата в дальнюю даль направлены стволы двух грозных 122-мм артиллерийских пушек. На трехметровой стеле, поднятой на четырех опорных столбах, – четыре ряда выступов. Они символизируют глубоко эшелонированную оборону Курской дуги. В центре, а так же слева и справа – изображения советских воинов – танкиста, летчика, пехотинца. В Зале воинской славы, расположенном под стилобатом, хранятся уникальные экспонаты. В книге отзывов, ставшей, по сути, бесценной реликвией, есть записи и участника танкового встречного сражения на Прохоровском поле танкиста Ю.Д. Козлова.

Сюда не раз и не два приезжал он на встречи с однополчанами. Возложив цветы и отдав память погибшим и уже ушедшим из жизни своим боевым друзьям, ветераны затем посещали школы, молодежные аудитории, где проводили уроки мужества, делились воспоминаниями о войне.

Привлекают внимание стихотворные строки из бронзовых накладных букв, что на гранитной стене стилобата:

*«Это поле победы суровой
Для потомков по праву равно -
Полю грозному Куликову,
Ратным доблестям Бородино.*

*Здесь под Прохоровкой
в сорок третьем,
Смерть презрев,
по сигналу атак
Шли солдаты наши в бессмертье,
Становились бессмертными танки».*

Память, неподвластна времени. И чтобы не оказалась она в забвении, а такая возможность не исключается, важно бережно ее хранить и также бережно передавать из поколения в поколение. Как это делают сами участники войны.

ПОЛЕ СЛАВЫ!

Стихи Г. Фомина. Саратов. 2008 г.

Посвящается подвигам танкистов в сражении под Прохоровкой (12.07.1943)

*Там под Курском вновь решили фрицы
Взять реванш и силу показать.
И своей звериной вражьей стаей
Там решили нас атаковать.*

*Но разведка доложила точно,-
И врагу поставлен был заслон.
И не батальон, а тысячи танкистов
Броневой ударный эшелон.*

*Там земля гудела и стонала —
Наступал ударный эшелон!*

*Там горели «тигры» и «пантеры»,
Стая вражья понесла урон.*

*Одержали крупную Победу,
Одолев коварного врага!
Возродили мы былую Славу,
Чечь танкистам нашим на века!*

*Помним мы про поле Куликово
И сражение под Бородино!
С битвы той на Прохоровском поле -
Оно полем СЛАВЫ названо!*

212-Я ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА РОДИНУ (1941-1945 гг.)

В годы Великой Отечественной войны в г. Саратове размещался штаб Приволжского военного округа — одного из центров формирования частей и соединений для фронта.

В 1941-1943 годах на территории Саратовской области получили путёвку в боевую жизнь свыше 500 различных воинских единиц, в том числе 3 женских авиационных полка (586,587,588), 1,7,8,9,10-й корпуса ВДВ, 1, 61-я Армии, 7-я сапёрная Армия.

В период Сталинградской битвы формировались 120-я сд (преобразованная в 69-ю гвардейскую сд), 127-я сд (преобразованная в 62-ю гвардейскую сд), 66-я Армия (преобразованная в 5-ю гвардейскую Армию).

Во второй половине июля 1942 года в Вольске формировалась 212-я стрелковая дивизия.

Впервые дивизия под номером «212» была сформирована в марте 1941 года в Киевском Особом военном округе на базе 20-й механизированной бригады в г. Броды Львовской области и входила в состав 15-го механизированного корпуса. Командиром дивизии был назначен генерал-майор С.В. Баранов, опытный командир, занимавший ранее должность помощника генерал-инспектора автобронетанковых войск Красной Армии.

К началу войны 212-я моторизованная дивизия имела почти штатный комплект красноармейцев – это около 11 тысяч человек, но младший и средний комсостав был укомплектован на 50 процентов. Из 275 танков в наличии находилось 32 – БТ-7 и 5 – Т-26. Артполк имел 28 орудий разного калибра, а средств тяги лишь на один дивизион. Соединение не имело автомашин для перевозки личного состава, подвоза боеприпасов, вооружения, горюче-смазочных материалов и продовольствия.

В первые дни Великой Отечественной войны 212-я моторизованная дивизия в составе 15-го мех. корпуса принимала участие в крупнейшем танковом сражении на территории Западной Украины, развернувшемся в районе Броды-Дубно-Ровно. Командир 15-го мех. корпуса генерал Карпезо поставил дивизии задачу занять оборону в районе Броды-Бордуляки-Руда и не допустить противника прорваться и захватить г. Броды.

До 28 июня 1941 года дивизия сражалась за город Броды. Соединения 15-го мех. корпуса получили приказ сосредоточиться в тылу стрелковых корпусов, подходящих из резерва Юго-Западного фронта, на линии укрепрайонов старой госграницы. 212-я дивизия прикрывала отход основных сил корпуса. Затем был получен приказ на отход.

1 июля 1941 года в ходе отступательных боев, в бою с прорвавшимися танками и пехотой противника, пропали без вести командир дивизии генерал Баранов и начальник штаба соединения.

Баранов Сергей Васильевич

С 4.04.38 г. полковник, с 4.06.40 г. генерал-майор технических войск. Награжден орденом Красного Знамени (1919 г.).

Родился 2.04.1897 г. В РККА с 23.07.1918 г. Работал в военкомате. В 1919-21 гг. командир взвода и начальник связи батареи. В 1923 г. окончил пехотную командную школу. До 1930 г. командовал транспортными подразделениями, затем окончил курсы усовершенствования начальствующего состава. Два года командовал стрелковым батальоном. В 1933 г. окончил Московскую школу танковых техников и шесть лет командовал в ней батальоном курсантов. С 1939 г. командир 48-й автотранспортной бригады. Участник советско-финляндской войны – начальник автодорожной службы Северо-Западного фронта. В 1940 г. помощник генерал-инспектора автобронетанковых войск Красной Армии.

Командир 212-й моторизованной дивизии (11.03.41-29.07.41).

Пленен противником в июле 1941 г. Находился в немецком госпитале в Гродно, а после выздоровления в лагере военнопленных Замостье. В феврале 1942 г. заболел тифом и от истощения умер.

Позже выяснилось, что генерал С.В. Баранов попал в плен. Находился в немецком госпитале и в феврале 1942 года умер в лагере военнопленных в Замостье. Командование дивизией принял командир 669-го мотострелкового полка полковник В.В. Бардадин. Под его руководством части дивизии с боями продолжали отход и к **12 июля** вышли в тыл фронта и по приказу сосредоточились в районе г. Пирятин Полтавской области. В строю 212-й моторизованной дивизии находилось: младшего начальствующего состава и рядовых 745 человек, бронемашин – 2 шт., колесных машин – 16 штук, артиллерийских орудий разного калибра – 4 шт., в том числе 45 мм пушек – 2 шт., 122 мм гаубиц – 1 шт., 37 мм орудий – 1 шт.

В результате приграничных сражений советские танковые соединения понесли огромные потери в людях и в технике.

15 июля 1941 года ставка ВГК приняла решение расформировать механизированные корпуса, а входящие в их состав моторизованные дивизии переформировать в стрелковые.

29 июля 1941 года на основании решения 212-я моторизованная дивизия стала именоваться как 212-я стрелковая дивизия. Фактически **эта дата является вторым днем рождения соединения**. На ускоренное формирование такой стрелковой дивизии и её подготовку к боевым действиям требовалось не менее двух месяцев. Однако, осложнившаяся обстановка на юго-западном направлении требовала отправить дивизию на фронт, не закончившей обучение, комплектование личным составом и вооружением.

Уже в августе 212-я сд в составе 6-й, 26-й, 38-й и 21-й Армий Юго-Западного фронта принимает участие в Киевской оборонительной операции. На Днепре ведет бои на Черкасском плацдарме, сражается с соединениями 17-й немецкой армии на кременчугском направлении, выходит из окружения.

С декабря 1941 года дивизия действует в составе Брянского фронта на территории Орловской, Курской областей.

В конце июня 1942 года 212-я сд в составе 40-й Армии отражает танковые атаки в районе города Старый Оскол, и опять – окружение. Соединение с тяжёлыми боями прорывается на восток к Воронежу.

Во второй половине июля оставшийся в строю командный состав стрелковых полков и Управления 212-й стрелковой дивизии были отправлены на переформирование в Саратовскую область. **Это третье рождение дивизии**, командиром которой был назначен полковник Г.И. Анисимов, ранее служивший в штабе ВДВ.

В июле-сентябре 1942 года дивизия заново формировалась в г. Вольске и Вольском районе Саратовской области. Из мобилизованных военнообязанных старшего возраста, выздоравливающих фронтовиков местных госпиталей и курсантов Вольских авиационных военных училищ, школ авиамехаников.

28 июля 1942 года на построении курсантам зачитали приказ №227 «Ни шагу назад» Верховного главнокомандующего т. Сталина и объявили о направлении курсантов и командиров в части 212-й стрелковой дивизии. Обучение проходило по ускоренной программе.

В первой половине сентября 1942 года 212-я стрелковая дивизия в составе 692, 669, 587-го стрелковых, 354-го артиллерийского полков, 292-й отдельной разведроты, специальных частей и подразделений пешим порядком убыла на Сталинградский фронт. Шли ускоренным маршем, в день проходили по 30-40 км. В Татищевских лагерях (40 км от Саратова) трехдневная остановка для довооружения и отдыха.

Командующий вновь созданного Донского фронта генерал Рокоссовский издал приказ №001/оп от 1 октября 1942 года, прибывающей своим ходом в полосу фронта 212-й стрелковой дивизии к 7 октября 1942 года занять позиции в

районе исх. Усть-Погожье – клх. Первого Мая – балка Дубовая.

Новый приказ: 212,226,256,277,62-й свежим и 38,116,231-й ослабленным дивизиям 66-й Армии с 3 октября 1942 года вести наступательные бои на уничтожение противника северней пос. Орловка. Штаб 212-й стрелковой дивизии и 292-я отдельная разведрота находились в балке Бирючей в районе пос. Орловка совхоза «Спартак» Дубовского района Сталинградской области.

Следующий приказ: к 13 октября овладеть населенным пунктом пос. Кузьмичи, МТФ.

Новый приказ: вышеперечисленным дивизиям 66-й Армии с 20 октября 1942 года наступать постоянно, волнами в сторону Сталинграда – изматывать, уничтожать противника и прорывать кольцо окружения.

21 октября 1942 года, по архивным данным Министерства обороны РФ 212-я сд, наступая южнее отметки 128,9 (10 км. северо-восточнее н.п. Кузьмичи) продвинулась на 300 метров от исходных позиций, встретила сильное сопротивление и вела огневой бой.

22 октября дивизия, используя успех левого фланга 252-й стрелковой дивизии, к 14.00 вела бой на рубеже развилки дорог 1 км южнее МТФ – отметка 128,9 (8-10 км. северо-восточнее н.п. Кузьмичи).

На следующий день 212-я сд правым флангом и центром продвинулась на 1 км от исходных позиций и вела бой на северных скалах высоты 139,7. 692-й стрелковый полк 212-й стрелковой дивизии

24 октября 1942 года вел боевые действия в районе МТФ колхоза им. 13 лет Октября в 15 км. северней пос. Городище Сталинградской области.

С 5 октября по 2 ноября 1942 года в результате постоянных наступательных боев, и непрерывных бомбежек вражеской авиации

стрелковые полки понесли невосполнимые потери.

2 ноября 1942 года командующий Донским фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский отправил донесение в Генштаб КА: «212,231,221,316,207,292,62-ю стрелковые дивизии, как небоеспособные, расформировать, а оставшийся личный состав передать на доукомплектование боеспособных частей». Личный состав 212,231,62-й стрелковых дивизий передать на доукомплектование 27-й гвардейской дивизии, 292-й разведроте, передать разведчиков 161-й разведроте, 354-му арtpолку оставшихся в строю 4 офицеров и 31 красноармейца передать 1033-му арtpолку 120-й сд.

С 5 октября по 2 ноября 1942 года 212-я стрелковая дивизия, сформированная в г. Вольске и Вольском районе, участвовала в Сталинградской битве.

Около **300** уроженцев Саратовской области погибли в боях на линии фронта Орловка-Кузьмичи в октябре 1942 года и **204** воина похороненные в Балке Грачевая, перезахоронены в Братской могиле пос. Кузьмичи Городищенского района. Фамилии установлены по скорбным спискам Саратовской областной Книги Памяти и Центрального архива Министерства обороны страны. **171** человек из 212-й сд, среди них:

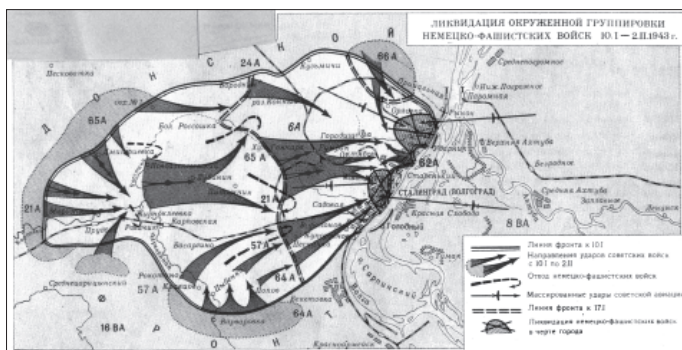
Иванов Василий Васильевич – политрук стрелковой роты 692-го стрелкового полка. Погиб 20 октября 1942 года, призван Балашовским (Родничковским) РВК.

Киселев Борис Васильевич – зам. командира 1-го батальона по строевой 692-го стрелкового полка старший техник – лейтенант. Погиб 24 октября 1942 года, призван Вольским РВК.

Оголев Иван Хрисанович – снайпер 692-го стрелкового полка, красноармеец. Погиб 24 октября 1942 года, призван Балашовским (Родничковским) РВК и другие.

Братская могила.
Поселок Кузьмичи Городищенского района
Волгоградской области.

8 июля 1943 года считается датой **четвертого рождения** 212-й стрелковой дивизии. Соединение было создано на базе 4-й и 125-й стрелковых бригад, входящих в состав 50-й Армии Западного фронта.

С августа 1943 года дивизия в составе 10-й армии.

А с марта 1944 года и до окончания войны сражается в рядах 61-й Армии, так же имеющей саратовские корни.

212-я сд принимала активное участие в Курской битве, совместно с другими частями Красной Армии освобождала Украину и Белоруссию, прошла с боями Польшу и Германию, участвовала в Берлинской операции и дошла до Эльбы.

Была отмечена в Приказах Верховного Главнокомандующего:

В октябре 1942 года, погибших во время операции 66-й армии Донского Фронта на линии фронта пос. Кузьмичи — балка Сухая Мечетка — балка Грачевая, хоронили в балке Грачевая. Это район МТФ колхоза «13 лет Октября» и прилегающая территория в десяти километрах севернее пос. Кузьмичи Городищенского района.

В 1974 году несколько тысяч погибших воинов из всех воинских захоронений было перезахоронено в Братской могиле пос. Кузьмичи Городищенского района Волгоградской области. Среди погибших 204 воина — уроженцы Саратовской области (в том числе 173 воина 212-й сд). О перезахоронении по месту жительства воинов не сообщалось.

— **30 сентября 1943 года** за освобождение крупного железнодорожного узла, расположенного на шоссе Москва-Брест, города Кричев Могилевской области (командир дивизии полковник Мальцев)

— **28 июля 1944 года** за освобождение города Брест

— **15 октября 1944 года** за освобождение столицы Латвии города Риги (командир дивизии полковник Кученев).

За боевые отличия 212-я сд награждена орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова 2-й ст. Соединение удостоено наименования «Кричевская».

В июне 1945 года 212-я стрелковая дивизия расформирована.

Кузнецов Николай Григорьевич. Родился в 1925 году в Саратове. Учился в Саратовском авиационном техникуме. В 17 лет направлен во 2-е Вольское военное авиационное техническое училище. В июле 1942 года зачислен в 292-ю отд. разведроту 212-й стрелковой дивизии. На фронте с 5 октября 1942 года, в составе 212-й сд 66-й А участвовал в Сталинградской битве. Во второй половине октября в разведывательной операции был ранен. В марте 1943 года из госпиталя направлен во 2-е Оренбургское военное авиационное училище штурманов. С 1944 года лейтенант Кузнецов — штурман пикирующего бомбардировщика ПЕ-2 34-го авиационного полка. При бомбежке Берлина вторично ранен. Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина». Майор в отставке

Каракозов Владимир Михайлович. Родился в 1924 году. После окончания Вязовской средней школы Вольского района направлен во 2-е Вольское авиационное училище. В конце июля 1942 года численный состав училища влился в 212-ю сд. Каракозов В.М. стал наводчиком 76 мм орудия 354-го артиллерийского полка. В Сталинградской битве участвовал в составе 212-й сд, а после ее расформирования в составе 1033-го артполка 120-й сд. Войну закончил в Австрии. Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены»

9 мая 2006 г. Разведчики 292-й отд. разведроты 212-й сд Орлов В.А. и Кузнецов Н.Г. (справа) на приеме у губернатора Саратовской области Ипатова П.Л. бывших курсантов Вольского авиационного технического училища

Оголев Иван Васильевич.

Более сорока лет разыскивал место гибели своего дяди Оголева Ивана Хрисановича.

Воссоздал историю 212-й сд и место захоронения личного состава 212-й сд Вольского формирования

(Использованы материалы из книг: «Сталинградская битва в документах», «Котлы 1941-42 гг.», «Сталинградская эпопея», А.В. Исаев «Танковый прорыв», из архивных справок МО России, Интернет сайтов «Солдаты», «Мехкорпуса РККА». Воспоминания бывших курсантов Вольского военного авиаучилища — разведчиков 292-й отдельной разведроты Н.Г. Кузнецова и В.В. Орлова и наводчика орудия 354-го артполка В.М. Каракозова).

Составил И.В. Оголев
г. Саратов, тел. 28-86-16

КОМАНДИРЫ 212-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ПЕРИОД 1941-1945 гг.

БАРДАДИН ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Звание: **полковник**

Должность: **командир дивизии**

Пребывал в должности с **29.07.1941**
по **06.10.1941**

Соединение: **стрелковая дивизия**

Номер соединения: **212**

Формирование: **1**

МАЛЬЦЕВ АНДРЕЙ ПРОКОПЬЕВИЧ

Звание: **полковник**

Должность: **командир дивизии**

Пребывал в должности с **08.06.1943**
по **14.12.1943**

Соединение: **стрелковая дивизия**

Номер соединения: **212**

Формирование: **2**

ШУТОВ ИВАН МАКСИМОВИЧ

Звание: **полковник**

Должность: **командир дивизии**

Пребывал в должности с **07.10.1941**
по **15.07.1942**

Соединение: **стрелковая дивизия**

Номер соединения: **212**

Формирование: **1**

КУЧИНЕВ ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ

Звание: **полковник**

Должность: **командир дивизии**

Пребывал в должности с **15.12.1943**
по **17.11.1944**

Соединение: **стрелковая дивизия**

Номер соединения: **212**

Формирование: **2**

АНИСИМОВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ

Звание: **полковник**

Должность: **командир дивизии**

Пребывал в должности с **16.07.1942**
по **08.12.1942**

Судьба: **расформирована**

Соединение: **стрелковая дивизия**

Номер соединения: **212**

Формирование: **1**

МАСЛОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Звание: **полковник**

Должность: **командир дивизии**

Пребывал в должности с **18.11.1944**
по **09.05.1945**

Соединение: **стрелковая дивизия**

Номер соединения: **212**

Формирование: **2**

ДОРОГИ ЖИЗНИ

Из Книги П. Берсенева

БЕРСЕНЕВ Павел Александрович. Родился в 1923 году в с. Верхний Кушум Ершовского района. Майор. Награжден орденами А. Невского, двумя орденами Отечественной войны II ст., медалями «За победу над Германией», Жукова.

«...В начале марта командование фронта решило организовать наступательный бой по направлению Либавы. От нас до этого порта напрямую по лесным массивам было всего 18 км. Для этого наступления к нам на передовую прибыло пополнение в полном составе 33-й мотострелковой бригады, только что получившей пополнение и сформированной после прорыва Ленинградской блокады. Одна из пехотных дивизий в ночь заняла оборону. Стянули на этот участок артиллерию бригады, включая и наш полк. Была поставлена задача отрезать порт Либава от основных сил немцев

и, таким образом, лишить их возможности эвакуации в район Берлина, т.к. Гитлер дал приказ об эвакуации из Прибалтики.

Мне, как и командиру дивизиона, прибывшему в составе этой бригады капитану Смирнову, была поставлена задача поддерживать огнем пехотную роту. Обработав артиллерийским огнем, передовые позиции немцев, наша пехота под прикрытием огня пошла в наступление. За весь день боя мы углубились в оборону противника на 1200 м. Понеся большие потери, в ночь на второй день эту дивизию заменили следующей. Утром мы провели артиллерийскую подготовку. Неся огромные потери в живой силе и технике, дивизия продвинулась на 500-600 метров. В третью ночь и эту дивизию заменили свежей. Третья дивизия прошла и того меньше – метров 400 и тоже немцами была разбита и выведена с боевых позиций.

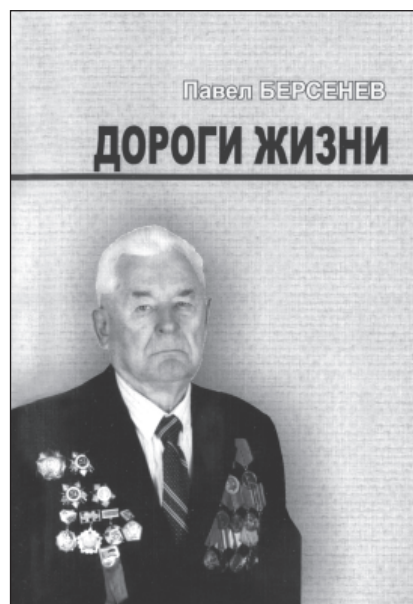
Когда стали выводить последнюю дивизию бригады, мы с капитаном Смирновым встретились, и я ему сказал: «Если бы я был командиром твоего полка, я бы в первую очередь наказал тебя. Воевать ты не умеешь. Не знаешь технику ведения боев немцев. Ты потерял весь свой ди-

визион, как живую силу, так и материальную часть, а я, ведя непрерывные бои и днем и ночью, обеспечивая замену боевых позиций вашей пехоты, сохранил не только личный состав, но и материальную часть дивизиона». Так бесславно закончилось наше наступление.

Утром 13 марта, в это проклятое Богом число, после ночи проведенной в окопе глубиной 45-60 см (глубже копать невозможно — там вода), на постеленных ветках деревьев и ими же прикрытых, мы, продрогшие от холода, развели небольшой костер, чтобы хоть немного согреться. Но немцы тут же открыли огонь. Этим шквальным огнем ранило нас троих: командира отделения разведки, старшего сержанта — в ногу, командира взвода управления, младшего лейтенанта — в живот и меня — в ногу, стопу и бедро правой ноги. С наблюдательного пункта я отправил в тыл в первую очередь младшего лейтенанта, раненного в живот, с целью скорейшего принятия мер по спасению его жизни, старший сержант с помощью палок вместо клюшек смог передвигаться, и только после того, как они прибыли в медсанчасть полка, я дал согласие покинуть наблюдательный пункт.

Когда солдаты несли меня на носилках с передовой, мы несколько раз попадали под шквальный огонь немцев. Солдаты оставляли меня на месте, где застал огонь, а сами прятались в найденные воронки (укрытия) от снарядов и бомб. В эти моменты мне так захотелось жить, кажется, что я всю войну не переживал такого стрессового состояния. А когда меня принесли в медсанчасть полка, я увидел, что младшего лейтенанта до настоящего времени не отправили в тыловую госпиталь. Поднял шум, вызвал заместителя командира полка по политической части. Нагрубил обоим, как начальнику медсанчасти, так и заместителю командира полка. Ведь ранение в живот — это рана со смертельным исходом и держать его в санчасти столько времени было преступлением. Погрузили нас всех троих в машину и повезли в ближайший по-

левой госпиталь в городе Ауцы. Дорогой младший лейтенант умер. Если бы помощь оказали сразу после того, как я его отправил с передовой (это почти на 4 часа раньше), ему бы в Ауцах сделали операцию и спасли жизнь.

В госпитале, разрезав мною самим сделанную перевязку бедра и стопы, меня положили на операционный стол, наложили на рот и нос повязку с наркозом. Хирург тут же стал мне делать операцию на бедре. Я стал их ругать: «Ваш наркоз не берет, вы режете живое тело». Врач-анестезиолог сказала: «Не было такого случая, чтобы наш наркоз не брал» и увеличила дозу. Больше я ничего не помню. Засыпая, увидел сон, что нахожусь на песчаном пляже в солнечный день на берегу Волги. День мне показался таким радостным, блаженным, что я кроме радости жизни ничего не видел и не ощущал.

Сколько времени был на операционном столе, не знаю. Глубокой ночью медсестра стала меня будить от наркоза, тереть уши, щеки, разговаривая со мной, чтобы я проснулся. Добившись этого, она принесла мне поесть. Я есть ничего не хотел. Тогда она пообещала принести

квашеной капусты. Принесла, и я с удовольствием съел. А сестре это и было нужно – вызвать рвоту, чтобы вышел весь наркоз. Когда я пришел в себя, почувствовал, что по грудь перевязан. Шина наложена от правой пятки по грудь, так что не мог даже шевельнуться – начиналась острая боль.

После полудня следующего дня нас погрузили в вагон-госпиталь. Целый состав раненых, на третьи сутки отправили в тыл по направлению на Ригу. На одной из железнодорожных станций наш поезд немцы стали бомбить. Надо отдать должное – медицинские работники из вагонов в укрытие не уходили, нас не покидали. Добирались от Ауцы до Риги тринадцать суток. Выгрузили на железнодорожном вокзале. Там мне сделали первую перевязку. Отрывая на бедре повязку, хирург скомандовал сестре: «Пинцет!». И рванул так, что я потерял сознание. А когда очнулся – был перевязан полностью. После, сестра рассказала что в ране на бедре завелись, черви и это спасло меня от гангрены, потому что они в себя вбирали гной. На четвертые сутки нас погрузили в санитарный поезд Рига-Ленинград-Беломорск. Во всех этих городах не принимали. Выгрузили в г. Няндому Архангельской области.

С момента ранения я находился на излечении. Комиссией эвакогоспиталя № 2526 был выписан 9 июля 1945 года, направлен в распоряжение Беломорского военного округа, где был назначен командиром Беломорского дивизиона 403-го минометного полка 577-й артиллерийской бригады, 341-й стрелковой дивизии в городе Кандалакша. Городок этот небольшой, расположен на болотистом месте, застроен в основном деревянными одноэтажными жилыми домами, тротуары – деревянные.

День Победы меня застал в эвакогоспитале № 2526 города Няндомы. Услышали сообщение связистов города о том, что война окончена и объявлен День Победы. Стояли белые ночи, мы вскочили со своих постелей, кто на клюшках, кто с подвешенными в гипсе руками, в общем, кто как мог, и пошли в магазин за выпивкой и закуской. Начальник госпиталя капитан медицинской службы, женщина, пришла в госпиталь и организовала праздничный стол. Мы ей были очень благодарны за такой радостный, долгожданный праздник в честь нашей Победы.

В конце октября и начале ноября 1945-го года мне был предоставлен отпуск...».

Федотов Борис Васильевич родился в декабре 1922 года в селе Новые Бурасы Саратовской области.

Участник Великой Отечественной войны. В июле 1941 года командовал артиллерийским расчетом. С декабря 1941 года был заместителем политрука, а с января 1942 года — военным комиссаром, затем заместителем командира батареи по политической части.

После учебы стал строевым командиром, командовал артиллерийской батареей. После войны окончил Высшую офицерскую артиллерийскую штабную школу, в 1948–49 годах служил в Центральной группе советских войск в Германии, заболел и по болезни был уволен из армии.

В 1956 году окончил военный факультет Саратовского медицинского института. До 1965 года служил в армии в качестве военного авиационного врача.

Первые стихи и песни были напечатаны в институтской многотиражке. Стихи, очерки, рассказы и песни Б.В. Федотова печатались в военных, областных газетах, а также в литературных альманахах и журналах, коллективных сборниках стихов.

Стихи Бориса Федотова вызывают чувство гордости за наших дедов и отцов, отстаивших свободу, честь и независимость Родины в жестоких сражениях в годы Великой Отечественной войны, служат делу воспитания у молодежи, наших солдат и офицеров чувства патриотизма, готовности при необходимости встать на защиту Отечества.

Б.В. Федотов не только поэт, но и композитор. Он — член Российского Авторского общества (г. Москва).

ДЫМОК ОТ ПАПИРОСЫ

Б.В. Федотов

Фронтовая быль

...Позапрошлым летом я, устав от суетливой беготни по Саратову, оказался на набережной Волги.

Любуясь огромной безжизненной гладью реки, с горечью вспомнил, как бывало, к пристани то и дело приплывали и уплывали белоснежные красавцы-теплоходы, а вверх и вниз по реке нескончаемой лентой плыли буксиры с вереницами барж.

И вдруг сверху, из какого-то раскрытого

окна многоэтажного дома послышались звуки рояля. Кто-то громко играл удивительно знакомую мелодию. Всколыхнувшись, часто забились сердце...

Где я раньше слышал это? — мучительно вспоминал я, — Ба, да это же «Дымок от папиросы» — танго Исаака Дунаевского.

Пораженный, я остановился около скамейки, на которой в тени развесистой ивы сидели и лакомились арбузом трое парней.

Ну, конечно же, это тот самый «Дымок от папиросы», который так любил капитан Овчинников!

Воспоминания мигом перенесли меня в далекое фронтовое прошлое, когда в марте сорок третьего года, наш 660-й арtpолк 220-й дивизии, наступая, форсировал Днепр в районе Холма-Жирковского, что в Смоленской области.

Помнится, впереди нашей 4-й батареи, где я был в то время замполитом, по льду реки без происшествий переправилась на противоположный берег 5-я батарея полка. У нас же, не доехав до другого берега каких-то 5-6 метров, провалилось и ушло под лед первое орудие. В 5-й батарее были легкие, на резиновых колесах, современные 76-ти миллиметровые пушки. А у нас – старые, на огромных деревянных колесах, обитых железом, с тяжелыми массивными лафетами, чудом оставшиеся со времен русско-японской войны 1905 года.

С помощью шестерки дюжих коней и солдат, взявшихся за лямки, удалось довольно быстро вытащить на берег орудие.

Благополучно переправив через Днепр остальные пушки, батарея двинулась на Запад по заснеженной проселочной дороге. Пришлось поставить пушки на лыжи. Не успела батарея проехать и полкилометра как одна из лыж, последнего орудия при раскате, задела за вражескую мину, спрятанную в снегу у обочины дороги. При взрыве был тяжело ранен командир взвода управления батареи лейтенант Казаринов, веселый юноша-сибиряк, недавно прибывший в батарею после окончания военного училища.

Остановившуюся на дороге батарею колонну догнали ехавшие в легких санках заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Мезрин и начальник штаба дивизиона капитан Овчинников. Мезрин, грузный и широколицый, одетый в новенький дубленый по-

лушубок, невозмутимо попыхивал дымком из торчавшей во рту немецкой трубки. Начштаба – полная противоположность своему спутнику: стройный, поджарый, весь как на иголках. У Овчинникова продолговатое, с чуть раскосыми глазами, смуглое, как у черкеса лицо. И, по характеру, как кавказец – горяч, вспыльчив...

Не успел кучер-солдат осадить взмыленного жеребца, а уж Овчинников, перевесившись через борт санок, закричал:

– Мурашкин, Федотов, какого дьявола здесь стоите? Пехота огонька ждет!

Осенью сорок второго года я временно исполнял обязанности комиссара дивизиона и еще тогда коротко познакомился с капитаном Овчинниковым. Узнал и об одной его слабости, которая меня, бывшего трубача школьного оркестра, тронула. Овчинников как дорогую реликвию хранил и таскал с собою по фронтовым землянкам и окопам единственную патефонную пластинку с записью танго Исаака Дунаевского «Дымок от папиросы»... Во взводе управления дивизиона чудом уцелел старенький патефон. Изредка, по большим праздникам, капитан проигрывал старую пластинку. В волнении слушал он, тоскующий голос певца, неумело держа во рту папиросу... Он никогда не курил.

Командир батареи капитан Мурашкин, доложив о ранении Казаринова, попросил разрешения двигаться по другой дороге, где прошли наши пехотинцы.

– Но ведь пятая батарея здесь уже прошла! – возразил Овчинников. – Вон они ползут... Мы их сейчас догоним. Давай жми, вперед, Мурашкин!

Но не успели Мезрин и Овчинников обогнать колонну, как под их повозкой громыхнул взрыв... Офицеров и солдата выбросило из санок. Конь, дико храпя, забился в оглоблях...

Начальник штаба поднял окровавленное

лицо, руками схватился за живот. Рядом, с неподвижно лежащим кучером, стонал капитан Мезрин... На помощь к раненым офицерам бросились артиллеристы из расчета головного орудия. На бегу, кто-то из солдат наступил на новую мину... Поднялась паника. Я вынул из кобуры пистолет, скомандовал:

– Никому не сходить с места! Буду стрелять! Без паники, товарищи! Офицеры и сержанты к раненым, остальным не двигаться!

Для оказания помощи раненым были вызваны еще несколько солдат. Я помог санитару Дорохову перевязать капитана Мезрина и начальника штаба дивизиона Овчинникова. Капитан Овчинников пытался улыбнуться, с окровавленным ртом:

– Не повезло, Федотыч... Конец!

– Не дури, еще повоюем! – возразил я.

– Нет, чую, отвоевался...

– Вам нельзя разговаривать, товарищ капитан, – строго заметил санитар.

– Э, теперь уже все равно...

Мертвенная синева на глазах у всех покрывала выразительное лицо капитана. Когда раненых офицеров укладывали в санки, Овчинников, приподнявшись на локтях рук, вдруг хрипло зашел: «Дымок от папиросы, дымок голубоватый...» – и выплюнул сгусток крови. – «Призрачный, как счастье...» – снова попытался было запеть он, но не смог. – Прощайте, ребята! – прошептал капитан и упал на дно санок, потеряв сознание.

Для отправки остальных раненных солдат в тыл пришлось освободить от снарядов широкие сани-розвальни... Подавленные случившимся, мы стояли с капитаном Мурашкиным около головного орудия, размышляя, что предпринять дальше.

Пошли, посмотрим, нет ли впереди на дороге новых мин? – предложил мне комбат.

Правильно, пошли! – согласился я.

Впритык друг с другом, мы не успели пройти метров двадцать, как вдруг раздался

мощный взрыв... Меня отбросило за обочину дороги, в сугроб. Оказалось, что Мурашкин ступил на замаскированную мину, и взрывом нас разметало в разные стороны. Я, в горячку, попытался было встать, но тут же от невыносимой боли в ноге, на какое-то время, потеряв сознание, снова рухнул в снег.

– Вроде живой... сообразил я, придя в себя. – Наконец-то ранен и теперь отдохну в госпитале от этого непрерывного кошмара боев, – мелькнула мысль. – Только бы ногу не отняли!

Через несколько минут ко мне подбежали санитар Дорохов и командир орудия сержант Гришечкин, сообщив, что командир батареи убит осколком мины в висок... Они сняли с моей ноги, пробитый осколком сапог. Брюки и портянки тоже были пробиты. Увы, вместо раны на голени оказался большой синяк. Мечта об «отдыхе» в госпитале испарилась.

Дней двадцать я похрамал, и этим закончилось мое «ранение». Правда, шрам от осколка сохранился на голени до сих пор. Как и шрам от большого осколка вражеского снаряда, ударившего меня в запястье правой руки во время отступления из-под Смоленска осенью сорок первого года. Но до сих пор больше всего меня беспокоит боль в сросшемся переломе сустава большого пальца правой ноги, попавшего под колесо передка легкого 76-ти миллиметрового орудия 1-й батареи. Также во время отступления в сорок первом году, когда я был командиром орудия. Иногда, после длительной ходьбы за день, долго не могу заснуть от боли...

...Капитан Мурашкин был родом из села Курской области, название которого я сейчас не помню. Наши войска, наступавшие на том участке Западного фронта, вот-вот должны были освободить его село. Все батарейцы следили за сводками Совинформбюро и с нетерпением ждали этого радостного дня, чтобы по-

здравить комбата. И это событие произошло, увы, на следующий день после гибели капитана Мурашкина...

Немцы, боясь «второго Сталинграда», зимой сорок третьего года сами оставили почти полностью окруженную Красной Армией Ржевскую группировку своих войск. И теперь выравнивая линию фронта, они подходили к заранее подготовленным позициям и усилили сопротивление успешно наступавшим полкам нашей дивизии. В ходе яростных боев,

мы никак не могли выбрать свободного времени, чтобы с честью похоронить комбата. Целую неделю мы возили его, привязанного орудийными шнурами к лафету пушки. После похорон был дан прощальный залп огня всей батареей.

Светлой памяти командира 4-й батареи 660-го артполка капитана М. Ф. Мурашкина я посвятил два стихотворения в изданном мною сборнике стихов «Ржевский вальс». Одно из них называется «Прости...».

*Неделю мы тебя возили на лафете.
Безмолвного, глухого ко всему,
И хоронили в спешке на рассвете...
Прости — виной был враг тому.*

*Прости, что митинг был коротким,
Что не нашли на гроб досок,
От крови не отмыли водкой
Осколками раздробленный висок...*

*Мы боль сердец своих вложили
В прощальный залп, в стену огня!
Прости... на Запад мы спешили,
Чтоб отомстить и за тебя!*

Я стоял у этого белокаменного, полного мирного счастья дома и, словно зачарованный, слушал грустную мелодию, стараясь угадать, из чьих раскрытых окон лилась музыка.

Эй, батя! — окликнул меня один из парней, сидящих на скамейке. — Это муть... — пренебрежительно махнул он рукой в направлении дома. — Ты лучше послушай настоящую музыку!

Парень щелкнул кнопкой магнитофона, на пластмассовом корпусе которого было наклеено изображение улыбающейся голой девицы. Под грохот барабана и нечто похожего на музыку, хриплым голосом осатанело завопил певец.

— Поп-музыка, — пояснил парень.

— Не поп, а попа-музыка! — хохотнув, ухмыльнулся другой кореш. И сплюнул на ас-

фальт, усеянный арбузными корками и семечками.

Замолчи, козел! — обозлился владелец магнитофона. — Хочешь, чтобы я врезал тебе по морде?

Попробуй только! — огрызнулся кореш.

Назревала сваря... Пианист в доме перестал играть также внезапно, как и начал, не докончив музыкальной фразы. Я напряженно вглядывался в раскрытые окна дома, словно надеясь увидеть там самого капитана Овчинникова...

Тот случай, когда капитан Овчинников, теряя сознание после тяжелого ранения, запел танго «Дымок от папиросы», запомнился мне на всю жизнь. Дело в том, что я тоже любил музыку танго.

В свое время я играл в школьном, а затем в офицерском духовом оркестре.

Окончив десятилетку, вступив в бой с немецко-фашистскими захватчиками в июле 1941 года под Смоленском, прошел на фронте путь от солдата – командира орудийного расчета до военного комиссара, затем командира батареи.

После войны, освоив игру на фортепьяно и аккордеоне, во время учебы в медицинском институте, стал сочинять музыку. И естественно, моими первыми творениями были танго. Впоследствии, продав дачу, которую я сам строил двенадцать лет в свободное от основной работы врача время, издал свой первый нотный сборник «Букет из 20 танго». Затем последовали сборники: «Романсы», «Ах, этот вальс!» (сборник вальсов), «Музыкальные эстрадные миниатюры», «Любимый город», «Ах, любовь, любовь!» и «Незабываемое» (песни на тему Великой Отечественной войны). Все они, сочиненные на свои поэтические тексты, рецензированы и рекомендованы к печати Кафедрой Теорий музыки Саратовской Государственной Консерватории им. Л.В. Собинова.

Мною также издано четыре сборника юморесок: «О, моды», «Трудно быть ангелом», «Великие задатки», «Поддел на крючок».

Всего мною сочинено около ста музыкальных произведений, многие из которых исполнялись военными духовыми оркестрами и профессиональными солистами в авторских концертах по саратовскому радио и телевиде-

нию. Мои фронтовые друзья, проживающие в Сан-Франциско, сообщили мне, что мои произведения исполняются в США. Недавно издал сборник маршей для духового оркестра и сборник «Три пальмы» (Восточное сказание) на тему одноименного стихотворения М.Ю. Лермонтова, а также сборник фронтовых стихов «Ржевский вальс».

В боях под Ржевом я умирал и воскресал сотни раз, командуя огневыми взводами батареи, которые вели огонь в течение месяца прямой наводкой, находясь от вражеских позиций почти в 300-400 метрах. Тогда огневые взводы потеряли убитыми и ранеными свыше четырех штатных составов. Вражеским огнем у нас были разбиты три пушки, все зарядные ящики. Лишь чудом я остался тогда живым. Считаю, что меня спас лишь только Бог...

«Ржевский вальс» передавался по телевидению. В тексте есть и такие слова:

«...Там, со смертью я с глазу на глаз,

В грозном вальсе кружился не раз».

Как потом выяснилось, капитан Овчинников остался жив. Прошел всю войну и жил с семьей в городе Ельце, где в свое время была сформирована наша дивизия.

До 90-х годов ветераны дивизии имели возможность ежегодно встречаться. Такие встречи проходили в Москве, Ржеве, Ленинграде, Минске, Орше. Наша дивизия сейчас именуется так – 220-я Оршанская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия. Встреча ветеранов состоялась и в Ельце. К сожалению, за год до встречи Овчинников умер...

«ПАРЯТ ЖУРАВЛИ НАД САРАТОВОМ»

Слова и музыка Б.В. Федотова

Летят журавлиные стаи
Над Волгой осенней порой.
У нашего города кружатся долго
Они над горой.
С собою зовут они в тёплые страны
Стальных журавлей,
Чей клин над Саратовом, в дымке туманной,
Парит много дней.

ПРИПЕВ: Журавли, что ж вы на юг не летите?
Что здесь вас держит,
Скажите вы мне, журавли!

Быть может, вам нравятся зори,
закаты над Волгой – рекой?
А может, пленил вас навеки Саратов
Своей красотой?

В чудесном краю этом парни
встречали Любовь по весне...
За Родину головы честно сложили
Они на войне.

ПРИПЕВ.

Давно журавли породнились
С судьбою погибших солдат.
И в честь их над городом даже зимою
Бесшумно парят.

Глядят журавли с высоты на Саратов
Глазами людей, познавших
Безмерную горечь утраты
Своих сыновей.

ПРИПЕВ.

ВСЯ ЖИЗНЬ — СЛУЖЕНИЕ

Николай Александрович и Мария Антоновна Россоловские прошли славный, трудный и долгий путь советских врачей, прожив «рука об руку» около 50-ти лет супружеской жизни.

В 1931 году Николай Александрович окончил Ростовский государственный медицинский институт и был направлен на работу врачом в армейские подразделения в Средней Азии. Но начал он работать обычным врачом в отдаленных аулах, что по тем временам было делом отчаянным. Там, будучи временно прикомандированным к одной приезжей врачебной бригаде, он познакомился со своей будущей женой Марией Антоновной, которая тоже была врачом (окончила медицинский факультет Среднеазиатского университета в г. Ташкенте).

В этот период времени Николай Александрович и Мария Антоновна активно участвуют

Майор, врач Россоловская
Мария Антоновна
20.04.1907 г. - 27.11.1987 г.
(снимок 1939-40 г.)

Полковник Россоловский
Николай Александрович
26.07.1909 г. - 03.04.1981 г.

в военных походах на Памир. Так в 1934 году Николай Александрович был участником экспе-

Группа врачей, третий слева Россоловский Н.А.

диции командиров РККА на Памир. Руководил этой экспедицией легендарный Николай Крыленко. Довелось молодому доктору в 1937 году участвовать в походе отряда горно-стрелковых войск Среднеазиатского военного округа на Памир и еще во многих экспедициях. Уже после войны, в 1947 году, по особому заданию он был врачом экспедиции на Памир.

Когда началась война с Финляндией, Николай Александрович был мобилизован в армию. И с тех пор, вплоть до окончания второй мировой войны служил на фронтах и в тылу армии. Начав свою фронтовую биографию с должности командира полкового медицинского пункта в звании старшего лейтенанта, он достиг звания полковника и должности начальника медицинской службы одного из госпиталей 1-й Гвардейской армии. Был тяжело ранен, контужен. Несколько раз сослуживцы сообщали о том, что Николай Александрович, наверное, погиб. Приходила на него и похоронка. Только смерть и все плохое остались позади.

А какие письма с фронта писал он жене!!! Стихотворение Константина Симонова «Жди меня» переписанное от руки до сих пор хранится в семейном архиве. Вот выдержка из письма от 03.06.1942 года:

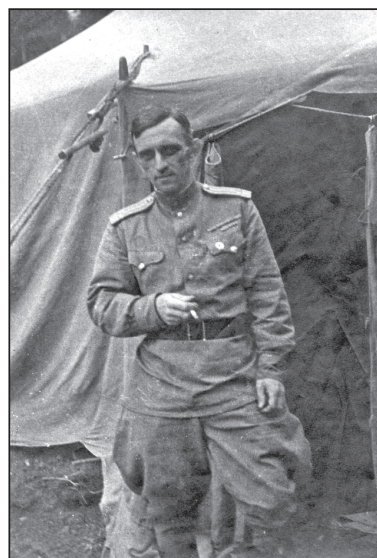
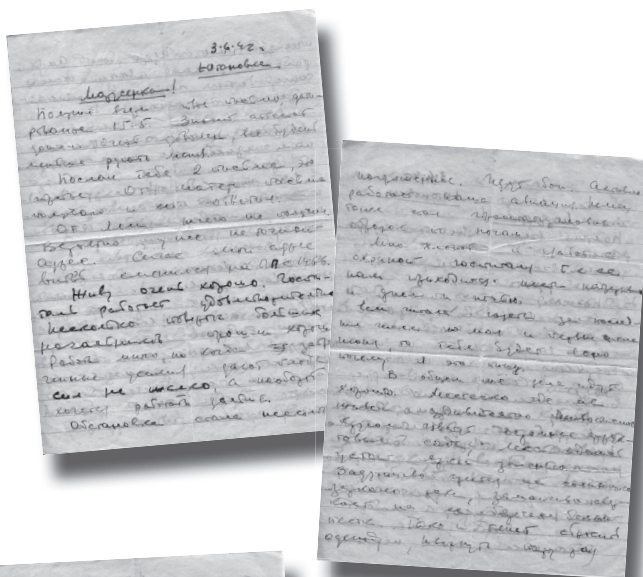
«... Хочется, чтобы война кончилась поскорее, но поскольку без разгрома врага она закончиться не может, надо поскорее добить их, выгнать с нашей прекрасной земли и разучить их нарушать наш покой, мирный труд и отдых...».

Войну доктор закончил в Праге, в 1945 году. Николай Александрович Россоловский был награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени и многочисленными медалями, одна из которых - «За отвагу».

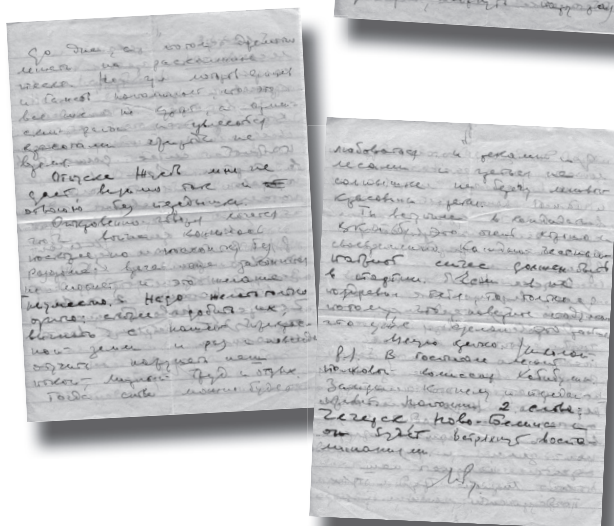
Мария Антоновна Россоловская во время Великой Отечественной войны тоже служила армии. Санитарный поезд, в котором Мария Антоновна была военврачом, разбомбили. В момент бомбежки поезда ее посчитали погибшей, и только проезжавший конный военный, после того как его лошадь копытом задела тело, понял, что человек жив и оказал первую помощь. Мария Антоновна получила контузию и легкое ранение в голову. Ее, как мать троих детей, перевели из действующей армии в тыл, в Ташкент, где находилась семья. Это произошло в 1943 году.

Мария Антоновна в звании майора медицинской службы занимала ответственный пост начальника Сводного Управления эвакогоспиталей Узбекистана. Была награждена многими медалями и удостоена высокого звания Заслуженного врача Узбекской ССР.

Николай Александрович с 1946 по 1951 годы работал начальником лаборатории авиационной медицины 63-й Воздушной Армии, занимался научными исследованиями. В 1952 году был откомандирован в г. Саратов на военно-медицинский факультет Саратовского медицинского института. После демобилизации пришел работать на кафедру патологической физиологии мединститута, по результатам многолетних исследований защитил кандидатскую диссертацию в Военно-медицинской Академии

В один из дней войны

Росоловские Мария Антоновна и Николай Александрович.
Саратов, 1980 г.

в Ленинграде. Для Саратовского медицинского института очень важно, что Николай Александрович создал и возглавил Центральную научно-исследовательскую лабораторию, где до сих пор работают ученые и выполняются серьезные научные исследования.

Мария Антоновна приехала к мужу в Саратов в 1952 году. В Саратове она работала главврачом 8-й поликлиники, заведовала отделами здравоохранения Октябрьского, затем Фрунзенского районов, перед уходом на пен-

сию работала начальником отдела Саратовской областной санэпидстанции.

Но самое главное – дети и внуки Николая Александровича и Марии Антоновны! Их очень много. И более 20 из них работали и работают в медицине! И все с большой любовью вспоминают старшее поколение.

*Елена Ивановна Росоловская
Дети и внуки – Николай, Ольга, Антон,
Александр*

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Генералова Вера Николаевна
30 сентября 1944 года.

Генералов Виктор Тихонович
1942 год.

Их жизни и судьбы связаны между собой и с историей Великой Отечественной войны. На их долю выпали суровые испытания, и они выдержал их с честью.

Генералова (Бирюкова) Вера Николаевна причастна к огромному вкладу медицинских работников — военных врачей, медицинских сестер, санитаров — в Победу над фашизмом.

Вера Николаевна, родилась в Саратове в семье служащего завода им. Ленина. Июнь 41-го она встретила студенткой 2-го курса Саратовского мединститута. Мгновенно рухнули все планы, жизнь пошла по иному пути,

нужно было строить противотанковые укрепления, срок обучения в институте сократили до трех с половиной лет. Учиться приходилось под зловещий гул самолетов, разрывы бомб и пальбу зениток. В августе 1943 года хирург Вера Бирюкова получила направление во фронтовую госпиталь №3502 1-го Украинского фронта, с которым прошла Украину, Польшу, Германию. Воинское звание ст. лейтенант медицинской службы, должность военный хирург, начальник хирургического отделения госпиталя. Демобилизовалась в феврале 1946 года. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II ст., медалью «За победу над Германией», отмечена десятью юбилейными медалями.

Генералов Виктор Тихонович родился в 1913 году. В 1934 году окончил автомеханический техникум и связал свою профессиональную деятельность с автомобильным транспортом. С 1938 по 1940 годы отслужил действительную военную службу. В августе 1941 года добровольцем ушел на фронт. Воевал сначала в 85-й морской стрелковой бригаде. С ноября 1942 года — командиром автовзвода при штабе 263-й стрелковой дивизии, с ноября 1943 — автомехаником в 853-м арtpолку, затем в оперативном отделе штаба 4-го Украинского фронта. Принимал участие в форсировании оз. Сиваш, освобождении Карелии, затем Чехословакии. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II ст., орденом Чехословацкой республики, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией».

В 1947 году Вера Николаевна и Виктор Тихонович соединили свои судьбы. Прожили счастливо 40 лет, вырастили троих детей.

Из дневника Генераловой В.Н.

«Я училась в очень хорошей школе №13 (теперь №27). Наша классная руководительница Мария Николаевна Волова была очень образованным человеком, интересным и требовательным. Настоящими профессионалами являлись и другие преподаватели, учившие не только наукам, но и жизни.

Наш десятый класс был очень дружным. Хорошо учились, постоянно общались вне школы. Вместе ходили в кино и театры, устраивали на дому танцы, диспуты, дополнительные контрольные работы. Сдав последний выпускной экзамен в тридцать девятом, мы договорились встречаться каждые десять лет, но Великая Отечественная помешала этому.

Я считаю себя счастливым человеком, хотя пришлось многое пережить, но наше поколение знало боевую дружбу, взаимную выручку, настоящую любовь, радость победы и чувство гордости, что выполняли священную миссию защиты Отечества.

Через 25 лет мы организовали встречу одноклассников. Бережно храню свой дневник, который вела с 1936 по 1946 годы и который очень дорог мне. Вот некоторые выдержки из него.

15 января 1940 года. Сильно беспокоюсь за наших мальчиков. Война с Финляндией все более и более разгорается. Проводится набор добровольцев. Жутко даже подумать, что всех наших мальчиков возьмут на фронт! Ведь сейчас стоят такие сильные морозы (ниже минус 40 градусов), что замерзнуть можно очень легко. Идут слухи, что на фронте больше гибнут от мороза, чем от пуль. У нас в Саратове много устроили военных лазаретов. Институты плановый, юридический и педагогический выселили. И много других крупных зданий взяли под лазареты.

Очень плохо с продуктами. Очереди везде огромные. Магазины почти все пустые. Боже мой, какая сейчас напряженная атмосфера! Чего-то каждый день ждешь, боишься, как бы чего не случилось... Хотя бы морозы скорее закончились.

20 февраля 1940 года. Три дня назад Валентина получила письмо от Германа Белоусова. Пишет, что весь их полк взяли на фронт. Его, в числе четырнадцати человек, оставили в военном училище для срочной подготовки комсостава... Вчера Тося получила телеграмму от Шурика Добрынина – выезжает на фронт. Что же это такое? Кому нужна эта проклятая война?

1975 год

1984 год

7 октября 1940 года. Новое правительственное постановление: стипендия студентам отменяется (кроме отличников) и за обучение надо платить 300 рублей в год. Всем нам это как снег на голову, ведь многие студенты живут исключительно на стипендию.

1 ноября 1940 года. Я очень устала. Жить очень трудно. Жизнь такая короткая и такая плохая. Очень хочется радости и счастья. Да, я забыла, ведь единого счастья не бывает. Как я могу быть счастливой, когда вокруг творится такое?

12 декабря 1940 года. Зима, уже настоящая зима! На окнах красивые серебристые узоры. А все-таки жить хорошо! Трудно, подчас даже невыносимо, но все-таки хорошо. Ведь жизнь и заключается в борьбе с трудностями. Бороться – значит мыслить и чувствовать. Хочу быть человеком, жить вне пошлости и рабства, вне глупости и зла. Чувствую всем сердцем сво-

1947 год.
В день бракосочетания

им, что жизнь может быть ярка и прекрасна. Чувствую, как разворачиваются крылья и разгораются желания – все изведать, все узнать, все испытать.

23 июня 1941 года. Ужасная новость. Вчера в 4 часа утра Германия напала на СССР. Мобилизация в РККА уже идет полным ходом. Сегодня уже везде очереди, «ахи» и «вздохи». Эта война должна быть решающей. Я уверена, мы победим. Бедные наши мальчики, не скоро же вы вернетесь домой! Да, не везет нашему поколению. А ведь я тоже военнообязанная, как и все медики. Потом я ведь комсомолка. Может быть, и мне придется понюхать порохового дыма. Страшно, но хорошо: помогать людям, облегчать их страдания. Что может быть лучше этого?

25 июня 1941 года. Мне 20 лет, я студентка второго курса Саратовского медицинского института. Началась война. Жизнь стала трудной: голодно (300 г хлеба в день). Учеба без каникул и выходных дней.

22 июля 1941. Получила письмо от Германа Белоусова: «Здравствуйте, дорогие друзья! Через 5 минут поезд отправится. Еду на фронт... Пока! Если придется увидаться, это будет уже другое время. Но шансов на встречу мало. Постараюсь еще написать перед самым боем. Целую, Гера». Это была последняя весточка от Германа.

29 июля 1941 года. Население Саратова сильно увеличилось за счет эвакуированных из прифронтовой полосы. Много прибыло москвичей... Но мы победим! Я твердо уверена в этом, ведь русский народ умеет драться и побеждать.

30 июля 1941 года. Ужасно! Убит Шурик Добрынин. Словами не передать чувства горя, боли и возмущения.

3 ноября 1942 года. Сейчас узнала, что 19 октября 1941 года убит Николай Севастьянов. Я живу точно во сне. Юрий Панкратов, летчик, пропал без вести.

18 ноября 1942 года. На фронт добровольцем ушел Геннадий Шапиро, последний из наших мальчиков. Ведь он инвалид с детства: правую руку ему отрезало трамваем. Служить будет при штабе полка в отделении связи. Он успел окончить истфак педагогического института.

Июнь 1943 года. За два года прошли программу трех последних курсов. Особенно тяжело было зимой – не топились помещения института, дома. Пережили бомбежки Саратова (мой бывший дом сгорел), рыли противотанковые рвы в 40-градусный мороз в Кологривовке Вязовского (Татищевского) района.

Август 1943 года. Через два дня едем на фронт. Военное обмундирование – юбки, гимнастерки, шинели, ботинки. Все комсомольцы патристически настроены.

Сентябрь 1943 года. Ехали в товарном вагоне, через открытую дверь видели разрушенные войной города и села. Состав часто останавливался из-за бомбежек, и мы бежали в ближайшее укрытие. Получили направления в военные части – госпитали и медсанбаты. Я с Олей Богомоловой (подруга юности) попала во фронтовую эвакогоспиталь №3502 1-го Украинского фронта.

С этим госпиталем мы прошли Украину, Польшу, Германию. Сначала были ординаторами, затем начальниками хирургических отделений. Госпиталь продвигался за войсками (от передовой расстояние – от 6 до 50 км). Развертывали его в различных приспособленных помещениях, но чаще в землянках или других временных постройках. Один раз – в замке графа Потоцкого в Польше. На развертывание госпиталя давалось от двух суток до нескольких часов. Раненые поступали сразу в очень большом количестве. Настоящим бедствием были постоянные бомбежки, обстрелы. Здесь проверялся каждый человек, было видно, кто чего стоит.

Июнь 1944 года. Украина, город Ровно. Каждое дежурство по госпиталю встречаю с тревогой. Раненые тяжелейшие. Всем хочется помочь, успокоить. Вот уже месяц, как не спим ночью.

28 июня 1944 года. Полгорода охвачено пожарами. В 7 часов утра приняли первую партию пострадавших за ночь. Среди них – моя перевязочная сестра Зина Зырянова – тяжелейшее проникающее ранение грудной клетки. Через час она умерла.

23 июля 1944 года. 1-й Украинский фронт вновь пошел в наступление. Работа у нас сейчас жуткая. Принимаем ежедневно громадные партии раненых: обрабатываем, оперируем и

отправляем в тыл. Весь обслуживающий персонал остался без постелей и помещений для сна и отдыха – все равно на это нет времени. Серенькая шинель всегда выручит.

30 июля 1944 года. Город Ровно. Мы совершенно отупели. Короткий сон по 1-1,5 часа, пока готовят стерильные столы и гипсуют бинты, не освежает. На фронте одерживаем победу за победой. Фашист еле успевает удирать.

Во время очередного бомбового удара, принимая раненых в городе Ровно, на Украине, Вера Николаевна была контужена и длительное время находилась на лечении в том же госпитале, где работала сама. После выздоровления снова вернулась к своей работе. С госпиталем она прошла Украину, Польшу, Германию, закончив свой боевой путь в Нойхаммере. Но до возвращения в родной Саратов было еще восемь долгих месяцев. И снова среди раненых, но уже не своих, а военнопленных... Какая же сила духа и милосердия жила в этих людях!

21 декабря 1944 года. Город Жешув. Завтра день моего рождения, а я одна в чужом польском городе (на усовершенствовании по нейрохирургии). Нет денег, нет друзей. Даже плакать не могу: я ведь не женщина – я офицер.

22 февраля 1945 года. Город Тарнобжек. Не писала давно. Не могла. Все устали. Нервы на пределе. Но мы выдержим и вытерпим. Должны выдержать.

1 мая 1945 года. Город Зарау. Берлин наш! А конца войне все нет. Когда же он будет. Непрестанная мучительная тоска по России, устали от чужих взглядов, от всего чужого. Нервная система как под током

9 мая 1945 года. Мы – в городе Нойхаммер. Победа! Счастье и радость охватили всех. Но у нас лежали с тяжелейшими ранениями в голову и позвоночник. Они были нетранспортабельны, и их надо было лечить.

Только через 8 месяцев мы были демобилизованы и в феврале 1946-го вернулись в родной Саратов. Поезд пришел в 4 часа. Трамваи еще не ходили, и мы пошли пешком, потом побежали. От главпочтамта до 2-й Садовой я бежала почти без остановки, а у калитки дома ноги подкосились. Сидела и ревела как маленькая, на скамейке.

Когда впервые после войны надела гражданское платье, очень стеснялась, чувствовала себя обнаженной. И вообще, люди с войны возвращались другими, что-то важное выгорело, вымерзло, ушло, новое появилось. Годы, проведенные среди ужасов войны, среди крови, боли и стонов роднили людей особенно сильно, так как дружба эта была бескорыстной и в тяжелых условиях давала людям душевное тепло, силы жить. Такая дружба – была у меня и есть с Оленькой Богомоловой, по мужу Морозовой.

После возвращения в Саратов я работала в госпитале инвалидов Отечественной войны. В 1947-м вышла замуж тоже за участника войны, награжденного орденами и медалями. Имея скромный материальный достаток, мы жили богатой духовной жизнью. Любовь к литературе и искусству стремились привить своим детям и внукам, чтобы они поняли, в чем истинные ценности в жизни. А они – в знаниях, труде, доброте и искренней любви к людям».

По материалам В.Н. Генераловой

БАТАРЕЯ, ОГОНЬ!

Соколов П.Я. (сверху) и Симоненко С.И. ставят автографы на специальном панно для участников Великой Отечественной войны на территории химического предприятия «Нитрон»

Когда началась Великая Отечественная война, первым из нашей семьи Соколовых на фронт призвали отца. После его гибели добровольцем пошел воевать я – старший сын. В феврале 1943 года исполнилось мое горячее желание принять участие в войне с ненавистным врагом. Великую Отечественную войну я прошел с винтовкой и с катушкой связиста за плечами.

Много лет минуло с той пор. Но не забыть мне нелегкие фронтовые дороги.

В 67-м стрелковом корпусе я обслуживал артиллерийские подразделения. Задача простая – постоянно поддерживать связь между командными, наблюдательными пунктами и батареями. Выполнять ее, однако, было нелегко. Особенно мне запомнился один боевой эпизод. Произошло это на Украине, недалеко от Винницы, в 1944 году.

Готовилось большое наступление. Как обычно оно начиналось мощной артиллерийской подготовкой. В ответ раздались залпы немецких батарей. Вскоре прервалась связь между наблюдательным пунктом и артиллеристами... Разведчики быстро засекли координаты фашистских орудий, но передать их не могли. Мне предстояло пройти под огнем метров 480-500, найти место повреждения и соединить кабель. Эта была зона сплошных разрывов снарядов. Несколько десятков орудий бесперебойно били по ней. Стараясь использовать каждый бугорок земли, я продвигался все дальше и дальше. Прыгал в воронки, полз по-пластунски. С немецкого наблюдательного пункта меня заметили. Огонь усилился. Разрывы следовали уже непрерывно один

за другим. Как брызги летели во все стороны осколки. Дрожала холодная осенняя земля. Наконец, нашел повреждение, соединил оба конца провода, подключил телефон. Он молчит. Оказывается, сзади, за моей спиной, очередным взрывом вновь разорвало связь. Нашел и соединил провода. И опять попадание. В третий раз устранил повреждение. Наблюдатели торопливо передавали координаты. Артиллеристы открыли прицельный огонь. Ответные залпы стали реже. Вскоре началось наступление. Мы быстро гнали врага, и поэтому награду за этот бой – орден Красной Звезды мне вручили только в Польше.

Из воспоминаний Соколова П.Я.

ВСПОМНИМ, ТОВАРИЩ...

Судьбы солдатские... Мой брат Кнестяпин Василий Петрович, уроженец села Сорокино, до войны учительствовал в своем родном селе. Войну встретил в должности стрелка-радиста в составе экипажа морской бомбардировочной авиации в городе Николаеве.

Война устанавливает свои порядки. Немцы бомбят аэродром. Имеются жертвы. Авиация полка, где служил Василий Петрович, ежедневно по несколько раз поднимается в воздух, тоже бомбит скопления немецких войск, тыловое их обеспечение, подвергается зенитному обстрелу, отстреливается от наседающих истребителей врага. Неоднократно и Василий Петрович, ведя оборонительный воздушный бой, сбивал вражеские самолеты.

Но... Подбит самолет. Ранен Василий Петрович и направлен на лечение в город Саратов. После госпитализации он опять вернулся в авиацию дальнего действия Северо-Кавказского фронта.

... Немцы рвались к Волге. Кавказ уже занят. В одном из боев самолет, в котором был Василий Петрович, получил поражение и загорелся. Время ночное. По приказу командира экипажа Кнестяпин покинул горящий самолет, удачно приземлился на территории, занятой вражескими войсками. Переодевшись в какое-то селении в женское платье и туфли, ночами стал двигаться на восток, к своим войскам. Днем же укрывался, где только мог, от встречи с немцами. Проходят сутки, вторые, третьи, истекают силы, ноги в крови от женских туфель, одолевают сильный озноб и ненависть к врагу. А фронт все дальше уходит на восток, к Сталинграду.

... Крадучись, кошачьим шагом подошел к уединенному от поселка дому, тихо постучал в дверь. Сердце бьет, как молот. А вдруг в доме немцы... Дверь открыла женщина с добрым кавказским лицом. Удивилась пришельцу.

Приняла и накормила, а потом укрывала его от немцев и соседей в погребе.

Но вот наши войска начали контрнаступление. В результате была полностью окружена и разгромлена 6-я армия немцев, а командующий – генерал Паулюс – взят в плен. Остатки вражеских войск поспешно стали отступать. Боевые действия перешли на Кавказ.

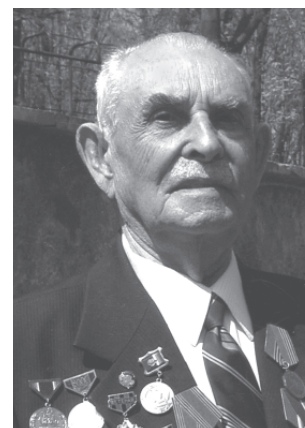
До Василия Петровича доносятся звуки артиллерии, он видит зарево пожарищ. Сердце рвется к своим. И однажды ночью Кнестяпин покидает дом приютившей его хозяйки с намерением прорваться к своим. Ушел, и исчез его след. Вероятно, был убит немцами. Числится пропавшим без вести. Вот такая судьба.

* * *

Вспомним, многотрудные годы войны, бесконечные марши, пыльные солдатские дороги, свист пуль, разрывы бомб и снарядов, ужасающий отсвет зарниц войны и звонкое эхо победных салютов. Вспомним морозную зиму, белоснежные поля Подмосковья, холодные воды Синявинских болот под Ленинградом. Вспомним наш боевой путь, политый потом и

Кнестяпин Василий Петрович

Кнестяпин Николай Петрович

кровью, путь мужества и героизма миллионов.

65 лет отделяют нас от тех событий, когда штурмом брали города и села Германии, откуда в 1941-м боевым маршем шли гитлеровские войска на Восток, неся смерть нашим людям и разрушение социалистического народного хозяйства.

Много испытать довелось нам, многое пережить. А победу вместе с нами празднует весь народ, все фронтовики. Люди разных национальностей сражались под боевыми знаменами и отстаивали независимость Родины. И сейчас у нас одно желание, одна мечта, чтобы никогда больше не повторилась кровавая битва, чтобы дети наши и внуки жили под чистым небом.

Да, мы помним всё, что пережили тогда, и детям и внукам своим завещаем не забывать никогда кровавых итогов войны. Помнить — это значит бороться не жалея сил, за мир и счастье на земле.

День Победы я встретил в Чехословакии. Четыре долгих года бились с фашистами, из последних сил приближали этот день, и вот он настал — радостный, неповторимый. Еще не верилось, что навсегда умолкли пушки. Тишина вокруг. Зелень. Теплое солнце. Улыбающиеся лица. Цветы.

65 лет прошло с тех пор, а день этот помню до мельчайших подробностей. И настроение свое тогдашнее, помню. Счастье и боль были в сердце. Радовался, что выстоял, живым остался, вернусь домой, увижу своих близких и родных. А боль... Даже в этот счастливый миг не мог я забыть, скольких товарищей похоронил, как дорого, досталась нам Победа.

Победа стала возможной, не только благодаря мощи нашего оружия, но и потому, что сила духа, вера у нас были огромные. Именно эти качества и надо воспитывать в себе тем, кто нынче называет себя защитником Отечества, нашим детям и внукам.

И в годы войны, и в мирные дни я был свидетелем того, как много могут сделать люди, движимые любовью к Родине. Святое, прекрасное чувство! Поэтому и желаю молодым воинам — служите честно, добросовестно, будете отважными солдатами. Защищайте свой народ, Родину от врагов. Вам есть с кого брать пример, есть у кого учиться».

*Николай Петрович Кнестяпин,
участник обороны Москвы,
Ленинграда, штурма Берлина*

ДОРОГИ СОЛДАТА

Василий Егорович Иваницкий родился в 1926 году в большой крестьянской семье. Отец Егор Ильич трудился в колхозе трактористом, шофером. Мать Марфа Ивановна работала на плантации. С начала войны у отца была «бронь», но в 1942 году её сняли и призвали на фронт.

Все тяготы и заботы о семье легли на материнские, да юношеские плечи Василия, который был самым старшим в семье. Он, как и все юноши того военного времени, заменили отцов, ушедших на фронт, стали работать в колхозе на тракторах, комбайнах.

— Работали на тракторах ЧТЗ, — вспоминает Василий Егорович. — Сколько было слез, нервов, ведь заводили его рукояткой, а сил-то не хватало, и помочь было некому — одни пацаны да девочки, ой, да всего и не перескажешь.

В 1943 году его призвали в армию. Василий попал служить в зенитный дивизион в Саратов. Охранял железнодорожный мост через Волгу, а также цеха мясокомбината, в котором расположился эвакуированный из Москвы военный завод оптических приборов. После окончания Сталинградской битвы, фронт отошел на Запад. Зенитный полк был отправлен через Украину под Карпаты в город Стрый, а уже через Карпаты своим ходом в Мукачево, потом в Ужгород. Здесь располагалась 21-я воздушная армия.

— К нашему зенитному полку был прикреплен автомобильный батальон, — вспоминает Василий Егорович, — нас на машинах вместе с зенитным орудием привозили на заданную позицию, там мы отрывали неглубокий окоп, устанавливали «зенитку» и несли дежурство.

Война всё дальше и дальше откатывалась на Запад. В начале марта 1945 года 1861-й зенитный полк, где служил Василий Егорович, перебросили под Дебрецен, недалеко от Будапешта, за которым шли очень тяжелые бои. 3 марта Будапешт был взят. День Победы Ва-

силий Егорович встретил в Венгрии.

— Когда объявили войну с Японией, — вспоминает он, — мы погрузились в вагоны и поехали на Восток. Доехав до какого-то городка, остановились, поступил приказ: отправляться назад под Будапешт.

Вскоре зенитный полк отправили под городом Белая Церковь, где был расположен большой аэродром американских и английских самолетов. В это время Василий Егорович служил шофером. После расформирования аэродрома его полк перевели под Полтаву строить взлетную полосу для больших самолетов. Возил на машине стройматериалы, оборудование.

В 1950 году демобилизовался и вернулся в Ивантеевку, где 45 лет проработал в Райпо шофером. Возил товары из Пугачева в Ивантеевку, сменил несколько марок машин.

Воспитал вместе с женой двоих детей. Дочь, Ольга, — директор Раевской школы. Сын, Николай, живет в г. Каменск-Уральский Свердловской области. Работает руководителем на алюминиевом заводе.

Внуки у меня взрослые, — говорит Василий Егорович, — все получили высшее образование, раевских внучат сын перетянул к себе на Урал, там у них хорошая работа, у всех квартиры. Уже есть правнук, назвали в честь прадеда — Егором.

Владимир Бортников

Фото из семейного альбома Иваницких

С. Ивантеевка

«Ивантеевский вестник»

ОТВАЖНЫЕ ЛЮДИ

Учитель истории Новодубровской средней школы Петровского района С.Н. Крупнов руководит местной группой «Поиск», которая занимается розыском саратовцев, не вернувшихся с полей сражений. За 18 лет поисковой работы у энтузиастов накоплен огромный материал. Этот рассказ о земляках, награжденных медалью «За отвагу». Медаль эта была учреждена в октябре 1938 года.

Название медали «За отвагу» говорит само за себя. Этой медалью могли быть награждены наиболее отважные воины из числа рядовых, сержантов, ефрейторов и старшин. Боец награждался ею за какой-то конкретный подвиг, совершенный им в бою. Например, сбил вражеский самолет или подбил несколько танков (не зря на медали было изображение танка и самолетов), уничтожил огневую точку врага, спас в бою командира, взял в плен несколько солдат противника, первым ворвался во вражеские окопы. Так было написано в «Указе об учреждении медали «За отвагу». В реальной же жизни вышеуказанные критерии соблюдались не всегда, но это все равно не умаляет подвига тех, кто был этой медалью награжден.

На сегодняшний день группа «Поиск» располагает сведениями о 29 петровчанах, награжденных медалью «За отвагу», 10 человек не получили ее, поскольку погибли. Четверо наших земляков стали самыми отважными дважды: это командир минометного расчета, гвардии старший сержант Алексей Никитин, командир отделения отдельного понтонно-мостового батальона, сержант Петр Гордеев из села 1-я Седовка, командир минометного расчета, гвардии старший сержант Николай Бауков из села Грачевка и санинструктор, сержант Александр Курочкин из села Асметовка. Вообще-то старший сержант Никитин уроженец города Дубовка Сталинградской области, до войны вместе с семьей проживал в Сталинграде, и оттуда же ушел на фронт. Но, вероятно, в 1942 году, когда немцы подходили к Сталинграду, его жена Александра Ивановна эвакуировалась к нам в Петровск, где работала в Госбанке. После окончания войны осталась жить здесь же, ведь Сталинград был полностью разрушен. Так или иначе, но Алексей Федорович Никитин занесен в Книгу Памяти Петровского района. Никитин был награжден двумя медалями «За отвагу» в

1943 году. Обе награды он получил. Погиб отважный сержант в апреле 1945 года.

Нам не удалось получить тексты наградных листов на Петра Гордеева, но, зная, где он служил, можно предположить, что подвиги он совершил при наведении переправ через реки. Дважды отважным сержант Гордеев стал в августе и октябре 1943 года в возрасте 21 года. Обе награды им получены. Впоследствии Гордеев окончил курсы младших лейтенантов и в должности командира саперного взвода пропал без вести 24 января 1945 года в Польше.

Уроженец села Грачевка Николай Семенович Бауков оказался самым старшим из отважных. Когда в январе 1943 года командир минометного расчета рядовой Бауков получил свою первую медаль «За отвагу», ему было 40 лет. Награжден он был за бои в районе Сталинграда, в частности, 13 января огнем своих минометов уничтожил две огневые точки противника. В период прорыва сильно укрепленной полосы вражеской обороны в районе деревни Сиротино 22 и 23 июля 1944 года, уже, будучи гвардии старшим сержантом, Бауков двигался впереди стрелковых подразделений – нес службу наблюдателя. Он дважды обнаружил огневые точки противника, и по его координатам они были подавлены. На следующий день, 24 июля 1944 года, наши войска приступили к форсированию реки Западная Двина. Н. Бауков метким огнем своего подразделения прикрывал переправу, что способствовало успеху операции.

Дважды награждался медалью «За отвагу» и уроженец села Асметовка санинструктор Александр Артемьевич Курочкин. Обе медали он получил в 1944 году в возрасте 20 лет. Как видно из текста «наградного» приказа, какого-либо конкретного подвига сержант Курочкин вроде бы и не совершил. Но отмечено, что он был дважды ранен, скорее всего, в то время, когда выносил на себе с поля боя раненых бойцов своей роты. Командир заметил бес-

страшного санинструктора и представил его к награде. Вскоре Курочкину представилась еще одна возможность отличиться. Во время боев севернее села Олыпанка (область в документе не указана), под сильным огнем противника, он оказал первую медицинскую помощь и вынес с поля боя всех раненых бойцов своей роты. Немцы подтянули свежие силы, и перешли в контратаку. Несколько фашистов оказались в опасной близости от той землянки, где находились раненые. Санинструктор Курочкин вступил с ними в бой и оттеснил от землянки. За этот подвиг приказом командира полка от 2 ноября 1944 года наш земляк и был награжден второй медалью «За отвагу». Погиб отважный сержант 27 декабря 1944 года в Польше.

Чаще всех медалью «За отвагу» награждались пехотинцы (военно-учетная специальность – стрелок или автоматчик). Как правило, награждали тех, кто первым ворвался во вражеские траншеи. Например, командир отделения гвардии сержант Иван Христофоров (село Жуковка) «в бою за деревню Грипоркино действовал смело и решительно, ворвавшись в траншеи противника, огнем из автомата уничтожил троих гитлеровских солдат». Точно за такой же подвиг был награжден пехотинец – рядовой Харитон Иванович Влазнев, уроженец села Асметовка.

Награждали и тех, кто первым пробивался в населенный пункт, занятый врагом, и своими активными действиями способствовал его освобождению. К примеру, рядовой Иван Филиппович Громкий, уроженец села Оркино. Он «в наступательных операциях на Карельском перешейке 19.06.1944 года с группой из 8 человек ворвался на станцию Хейниоки. Действовал решительно, в результате чего станция была занята». Летом того же года Финляндия вышла из войны, и часть советских войск была снята с Карельского фронта и переброшена на другие фронты. Громкий участвовал в боях в Прибалтике и погиб 10 октября 1944 года при освобождении столицы Эстонии – города Таллинна.

А вот гвардии старший сержант автоматчик Иван Козин (село Асметовка) отличился в боях на Смоленском направлении в августе 1943 года. Он сумел незаметно подползти к немецкому блиндажу и забросал его гранатами.

Редко, но все же награждали пехотинцев за оборону. Командир отделения моторизованного батальона автоматчиков, ефрейтор Виктор Кулагин «в боях по освобождению Молдавии проявил мужество и отвагу. За время боев с 21 по 27 августа 1944 г. проявил смелость и смекалку. Так, в районе села Карпинель, при отражении атаки противника он организовал оборону так, что противник, потеряв убитыми до 150 солдат и офицеров, отошел на свои позиции. Сам Кулагин в этом бою из своего автомата уничтожил 18 немецких солдат и офицеров».

Следом за пехотинцами идут минометчики. Они награждались медалью «За отвагу» 5 раз, но награждались всего три человека. Командиры минометных расчетов Алексей Никитин и Николай Бауков стали отважными дважды. Третий – это тоже командир расчета, сержант Илья Киреев (село Оркино).

Медалью «За отвагу» награждены четыре санинструктора. Кроме сержанта Курочкина, медалью «За отвагу» были награждены сержант Кузьма Венедиктов (село 2-я Быстровка) и наш односельчанин младший сержант Василий Филиппович Кузнецов. О нем хочется сказать отдельно.

Во время штурма Берлина Кузнецов служил в 48-й тяжелой минометной бригаде. Бригада получила приказ поддержать наступление стрелковой дивизии. Так как минометы стояли позади наших позиций, и работы у Кузнецова не предвиделось, он, с разрешения командира батареи, стал помогать пехотным санинструкторам, перевязывал и выносил с поля боя раненых бойцов, и здесь он увидел среди раненых командира и замполита стрелковой дивизии. Они сами повели бойцов в атаку. Естественно, санинструктор Кузнецов перевязал обоих ране-

ных и вынес их в тыл. За этот подвиг он и был награжден медалью «За отвагу».

Так же как и санинструкторы, четыре раза награждались медалью «За отвагу» и петровчане – связисты. Первым среди них и, кстати, единственным офицером, из всех петровчан, удостоенных медали «За отвагу», стал командир штабного взвода роты связи 1032-го стрелкового полка, младший лейтенант Владимир Васильевич Кувшинов, участник Сталинградской битвы. Вот что сказано в наградном листе: «Младший лейтенант Кувшинов в период нахождения полка с 7 по 19 ноября 1942 года, несмотря на систематические бомбежки и артоналеты, посредством четко налаженной работы взвода, немедленно восстанавливал связь на позициях полка, а также с соседями».

Командир отделения роты связи, сержант Иван Плотников (село Асметовка) 18 октября 1943 года в бою за укрепленный район Вышгород Киевской области под сильным огнем противника обеспечивал бесперебойную телефонную связь через реку Днепр. Наградных листов на начальника радиостанции сержанта Алексея Петрова из села Березовка и старшего телефониста из штабной роты связи рядового Федора Тихонова из села Старая Лопатка у нас пока нет, но, зная, за что были награждены Кувшинов и Плотников, можно предположить, что и Петров с Тихоновым совершили аналогичные подвиги.

Дважды награждались самой солдатской медалью артиллеристы, танкисты и саперы. Критерий для награждения артиллеристов и танкистов был практически один и тот же – огнем орудия или танка уничтожить как можно больше живой силы и техники противника. Заряжающий батареи, гвардии рядовой Кузьма Евдокимов из села Косолаповка и наводчик батареи, младший сержант Георгий Егоров из села Новая Дубровка были награждены в 1944 году. Егоров, например, за то, что в боях 4 апреля 1944 года в районе населенного пункта Сухота и 12 апреля в районе населенного пункта Гае Староборзд-

ке (область в документе не указана) при отражении контратак противника, проявив стойкость и мужество, из своего орудия уничтожил один пулемет и до взвода пехоты противника.

Почти одновременно были награждены наши земляки-танкисты. Радист танка, сержант Петр Колчин – 6 августа 1944 года, а заряжающий САУ-76, ефрейтор Александр Садков из села Савкино – 8 августа 1944 года. Примечателен подвиг Садкова. Во время одного из боев по освобождению Прибалтики он захватил у противника склад с артиллерийскими орудиями и четыре орудия, уничтожил минометную батарею, два станковых пулемета и до 8 солдат. Во время боя был тяжело ранен механик-водитель самоходки. Заряжающий Садков заменил его, вывел САУ из под огня и вновь повел ее в атаку.

В заключение скажем о тех военных специальностях, представители которых награждались реже всего – по одному разу. Это полковой разведчик Алексей Рязанов, награжденный за бои под Сталинградом в сентябре 1942 года в возрасте 19 лет, это командир пулеметного расчета, старший сержант Георгий Полосухин из села Асметовка – за уничтожение в ожесточенном бою при форсировании реки Вели-

кая (Псковская область) 13 солдат и офицеров противника. В числе награжденных и слесарь техчасти 859-го арtpолка, рядовой Василий Данилов (также из села Асметовка). Непосредственно на передовой позиции под артиллерийским обстрелом он отремонтировал трактор. Кроме своей основной работы, Данилов подвозил боеприпасы на огневые позиции батарей, чем обеспечил выполнение боевых задач, поставленных перед полком.

И, наконец, последний из петровчан, награжденных медалью «За отвагу», шофер, младший сержант Архип Трофимович Кабаняев, наш односельчанин, совершивший подвиг во время войны с Японией.

Большинство награжденных погибли на войне. Некоторые остались живы, но годы берут свое, и ветеранов уже нет среди нас. Нам бы хотелось, чтобы отважных людей нашего района петровчане помнили как можно дольше.

*С. Крупнов, учитель истории
Новодубровской СОШ,
руководитель группы «Поиск»,
А. Жукова, А. Кабаняев, С. Мальцева,
ученики 10 класса, члены группы «Поиск»*

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ...

Егоров Михаил Яковлевич

Егоров Анатолий Михайлович

22 июня 1941 года. Каким был этот день – первый день Великой Отечественной войны? С каждым годом все меньше и меньше остается с нами тех людей, кто помнит ее начало, кто перенес все трудности и лишения военной жизни. Мы не должны забывать, что для каждого человека, пережившего этот кошмар, война стала незабываемым событием и трагедией его личной истории, оставила неизгладимый след на всей дальнейшей судьбе. Теперь, по прошествии 65 лет, еще острее и внимательнее мы обязаны относиться к воспоминаниям тех, кто встретил Великую Отечественную войну мужественно и достойно, как только и должен воспринимать тяготы и невзгоды поистине великий народ.

Война не обошла стороной и нашу семью... Всю войну на передовой был наш дед, Егоров Михаил Яковлевич. Он вел за собой солдат, подавая пример храбрости, борясь за правое дело, за наше светлое будущее. Михаил Яковлевич не дожил до радостного Дня победы, но мы, его дети, внуки, правнуки являемся такими же патриотами, как и он, и вечно будем чтить его светлую память!

Хочется рассказать еще об одном члене нашей семьи, замечательном человеке, сыне Егорова Михаила Яковлевича, Анатолии Михайловиче. Родился он 16 июня 1926 года в деревне Хоревка

Лысогорского района Саратовской области. Уже в 1939 году, окончив семилетку, начал работать, сначала бригадиром полеводческой бригады, потом прицепщиком и в 1942-1943 годах – трактористом.

Душа молодого паренька была все время неспокойна. Война не могла его оставить равнодушным. Отец был на фронте... В семье Анатолий остался за старшего. Матери, Егоровой Марии Антоновне, нужно было помогать растить семерых детей. Всего их было 10 детей, трое, к тому времени, умерли...

3 ноября 1943 года Анатолия призвали в Армию, в 31-й отдельный учебный танковый полк в г. Саратове. Там он вступил в комсомол и по окончании учебы, в 1944 году, был направлен в г. Нижний Тагил. Радости и гордости не было предела, Анатолий и его сослуживцы получили танк Т-34 и отправились на фронт. 5 июля 1944 года прибыли на 1-й Прибалтийский фронт в 202-ю танковую бригаду 19-го танкового корпуса.

Далее отправились под Ригу, оттуда – в Шауляй, где и приняли бой. Танк Анатолия был подбит. Чудом он остался жив. Со слезами на глазах он вспоминает этот и другие эпизоды страшной войны. В том бою погибли многие боевые друзья, в их числе – Паша Ионкин из Широко-Карамышского (Лысогорского) района. Бой длился всю ночь, в батальоне осталась половина танков. Танк Анатолия восстановили, и от этого было радостно на душе.

Далее были бои по окружению Курляндской группировки. Немцы оказались в «мешке», вырваться не смогли, благодаря слаженным действиям танкистов. 202-я танковая бригада 19-го танкового корпуса была резервом Главного Командования и бригаду бросали на самые тяжелые участки, в самые трудные бои. В конце апреля 1945 года Анатолий был контужен и легко ранен. Больше уже не пришлось ему участвовать в боевых действиях. Не за горами был день Победы, великой Победы со слезами на глазах!

Из воспоминаний сына об отце Егорове Михаиле Яковлевиче.

«Я его сын. Анатолий Михайлович, опишу десять лет его активной жизни с 1931 по 1941 годы плюс три года Отечественной войны.

Родился отец 22 ноября 1904 года под городом Саратовом, в деревне Хоревка. 27 июня 1941 года по зову партии, как член ВКП(б) добровольцем ушел защищать Родину. Участвовал в боях за Москву, на Курской дуге. Последний год освобождал Западную Европу в составе 198-го гвардейского стрелкового полка 68-й гвардейской Проскуровской стрелковой дивизии, командиром стрелковой роты. Погиб 3 ноября 1944 года под Будапештом, местечко Альштономедь (из справки Подольского архива МО).

Шел 1929 год — год коллективизации, Михаил Яковлевич принимал активное участие в создании коллективных хозяйств. В 1930 году его избрали председателем колхоза в деревне Хоревка и присвоили колхозу наименование «Новая жизнь». Этим колхозом до начала войны, т.е. до июня 1941 года он и руководил, был его бессменным председателем. При этом необходимо отметить, что в колхозе за тот период никого не посадили, никого не раскулачили, никого не выслали. И все десять лет при отчетах и выборах все члены колхоза голосовали только за Михаила Яковлевича.

Под стать ему были члены правления и бригадиры т.т. Лаврентьев Иван Терентьевич, Григорьев Николай Артемьевич, Яковлев Василий Евдокимович, Григорьев Артем Иванович, Константинов Егор Тимофеевич, Пустоваров Гавриил Федорович, Леонтьев Дмитрий Михайлович, Яковлев Алексей Евдокимович. Четверо первых из них участвовали в Отечественной войне.

За время работы председателем колхоза к Михаилу Яковлевичу часто приезжали руководители района, области. Помню, однажды, руководитель района заехал к нам домой. Мы дети, спрятались на русской печке и закрылись занавеской. Руководитель спрашивает: «А где ваша большая семья?» Отец отодвигает занавеску, — Вот смотрите. А нас там больше полдюжины и все, как по команде: «Здравствуйте». Удивление было неопишемое. Кроме того отец никогда никого не тронул, грубого слова не сказал.

Из отзыва командира 198-го гв. полка полковника Ткачева Ивана Петровича: «Командир стрелковой роты ст. лейтенант Егоров Михаил Яковлевич — это смелый деловой командир, рассудительный. В бою, его всегда можно видеть в гуще солдат, он всегда берег каждого воина».

Командиром батальона был капитан Головкин П.Ф.: «Егоров М.Я. — это мой заместитель, в бою умен, упорен в достижении цели, в передышке перед боем — заботливый и добрый, всегда отзывчивый командир (из писем)».

Награды отца: ордена Красной Звезды, Отечественной войны I, II-й ст., медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

Хочется рассказать о замечательном человеке Белякове Степане Сергеевиче, скромном, справедливом, муже моей тёти Валентины Михайловны. Только благодаря моему упорству, удалось расспросить Степана Сергеевича о его долгом военном пути. Рассказ часто пре-

рывался слезами, так как свежи ещё в памяти те страшные военные годы, когда каждый день приходилось смотреть смерти в «лицо».

Беляков Степан Сергеевич родился 20 декабря 1923 года в деревне Топовка Широко-Карамышского (теперь Лысогорского) района

Беляков Степан Сергеевич

Саратовской области в крестьянской семье. У родителей Сергея Ивановича и Марии Артёмовны было двое детей – Степан и Анна. В деревне Ключи того же района Степан окончил 6 классов местной школы, 7-й класс заканчивал в вечерней школе г. Энгельса уже в послевоенное время. В июне 1942 года Степан

был призван и направлен в школу сержантов учебной части г. Пугачева, но закончить её не удалось, слишком «горячее» было время. В сентябре 1942 года на ст. Никольской был сформирован сапёрный батальон, в котором и оказался Степан. На сборы дали 12 часов. До деревни было 15 километров, которые он преодолел только к 3 часам ночи. Утром на фронт Степана провожала бабушка, Матрёна Васильевна, в то время родителей не было рядом.

Степана и его сослуживцев повезли под Сталинград, в г. Камышин, где их помыли в бане и отправили на передовую, на станцию Абганерово. Под Сталинградом и в самом городе, где каждый дом стал линией обороны и плацдармом для наступления, советские войска нанесли сокрушительный удар фашистам. Много позже историки назовут эту битву коренным переломом и началом Победы. Один миллион сто тысяч советских воинов полегли на этом величайшем – сто тысяч квадратных километров – бранном поле... Оставшиеся в живых продолжили крушить врага и довели дело до победного конца! В районе станции Абганерово, бригада приняла, как писали тогда военные корреспонденты, «боевое крещение». Немцы оказались в кольце.

3-й гвардейский Сталинградский Краснознамённый танковый корпус, в котором воевал Степан, прорвал оборону немцев, укрепил свои

С женой Валентиной Михайловной

позиции и двинулся на Ростов. Остановились в 90 км от Ростова в городе Матвеев-Курган. Силы покидали бойцов, много было бессонных ночей. Но был приказ – охранять мост через реку Миус. Вскоре пришла смена, можно было немного передохнуть.

С ноября 1942 года до 25 марта 1943 года солдатам негде было помыться, одолевали вши. И вот, наконец, в городе Ворошиловграде, попали в баню, сооружённую в угольной шахте. В баню солдат водили каждый день, пока не вывели вшей. Затем сформировали моторизованный корпус и отправили на Орловско-Курскую дугу, где приняли горячий бой. Войска перебрасывали с левого фланга на правый. На вторые сутки пошли в контрнаступление, и наши войска были разбиты. От взвода осталось 6 человек, чудом выжил и Степан.

Затем форсировали Днепр, продвигались по Украине, освобождая Полтаву. В 1944 году вошли в Белоруссию, затем освобождали Литву, Латвию, Восточную Пруссию.

И, наконец, долгожданная Победа! 8 мая 1945 года после полудня немцы объявили о капитуляции.

На Ялтинской конференции И. Сталин обещал союзникам начать войну с Японией. Он обязался сделать это через три месяца после победы в Европе.

8 августа 1945 года советское правительство объявило Японии войну. К этому времени из Европы на Дальний Восток были переброшены четыре армии. Мощный советский «кулак» здесь насчитывал 1,5 млн. человек, в их числе был и наш отважный Степан. Его корпус оказался в Манчжурии, был взят г. Хайлар, потом перебрасывали на другие участки фронта.

2 сентября 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась. Она продолжалась 6 лет.

Беляков Степан Сергеевич воевал в 1942-1943 годах на Сталинградском, Южном, Воронежском фронтах; в 1944-1945 годах – на 3-м Белорусском, 1, 2-м Прибалтийских, Ленинградском фронтах.

За боевые заслуги Степан Сергеевич награждён орденом Отечественной войны II ст., медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейными медалями, медалью Жукова.

До 1947 года Степан служил на ст. Манзовка в районе города Ворошилово-Уссурийска. Годом раньше, в декабре 1946 года, Степану предоставили отпуск, во время которого он познакомился со своей будущей женой, Валентиной Михайловной. Вернувшись после службы в армии, в 1947 году, Степан работал учётчиком в тракторной бригаде, затем был еще ряд рабочих специальностей.

7 марта 1948 года Степан и Валентина поженились. 1 апреля 1949 года у них родился сын Александр. В 1950 году переехали жить в Саратов. 13 марта 1954 года родился второй сын Сергей. В Саратове Степан устроился на работу кочегаром в локомотивное депо Рязано-Уральской (ныне Приволжской) железной дороги. Позже выучился на помощника машиниста, проработал 28 лет и ещё 9 лет работал на складе рабочим.

Степан и Валентина имеют четверых внуков и двух правнуков. В 1998 году я была на их 50-летнем юбилее совместной жизни.

С тех пор прошло ещё десять лет, и 7 марта 2008 года Беляковы отметили 60-летний юбилей совместной жизни. Как приятно смотреть на эту крепкую семью. И ни разу Степан Сергеевич даже в мыслях не позволил себе изменить своей единственной любви. Это прекрасный пример для подражания. До сих пор они ухаживают друг за другом, продолжая любить, как в молодые годы.

Мы, дети, внуки и правнуки бесконечно гордимся мужеством и отвагой нашего народа! Светлая память всем погибшим и доброго здоровья всем живым! Спасибо Вам, дорогие, за Вашу любовь к Отчизне, за наш спокойный сон, за светлые улыбки наших детей!

*Т.Ю. Леонтьева,
дети и внуки Егоровых,
г.г. Саратов, С.-Петербург, Георгиевск*

58 ЛЕТ С ОСКОЛКОМ

Валентин Степанович Сахнов 14-летним подростком отгружал от комбайнов хлеб. В 15 лет отец взял его штурвальным. Счастливое это было время – чувствовал себя взрослым, покуривать начал. И совсем не верилось, что идёт война. А мужчины уходили на фронт. В 1942-м, собрав котомку, попрощавшись с семьей, ушел по повестке и отец Валентина – Степан Петрович, которому суждено было погибнуть в первом же бою.

Мать и две сестры работали в поле. По ночам Валентин на быках возил хлеб в Пугачев на хлебоприемный пункт, каждый раз схватываясь с городскими ребятами. Не было случая, чтоб те не шутили над «деревней», говоря, что в колхозе труд – напрасный. Обидно было до жути, ведь тогда сельские жители всё отдавали для фронта и для Победы, не требуя ничего взамен.

В 1943-м отправили по училищам «зеленую» молодежь с тем, чтобы после прохождения курсов отправить на фронт. Валентину и ребятам, уезжающим из дома вместе с ним, не было 17. «Побьют же, как мышат!» – голосила мать, между тем собрала в дорогу целый мешок сухарей и благословила.

Василий Иванович Сахнов, двоюродный брат, мечтал выучиться на офицера, стать военным. Уезжали с ними Василий Сухорученко, Виктор Свиридов. Вместе учились, бегали по улицам, а теперь тряслись в одном эшелоне. После прохождения учебы в Вольске, война разбросала их кого куда.

Валентин Степанович Сахнов попал на 1-й Белорусский фронт в мае 1944-го. А 10 июня героически был взят г. Ковель. При форсировании реки Буг рядовой пехотинец был впервые ранен. Много их, покалеченных, лежало в сарае, на соломе. Шли бои, и отправлять раненых в госпиталь было опасно. «Ничего, через 4 месяца плясать будешь!» – говорил Валентину врач, извлекавший из его бедра осколки. На ноги его поставили.

70 километров не дошел он до Берлина с доблестной армией Рокоссовского, освобождавшей Польшу, Северную Померанию. И снова ранение. Множество осколков изрешетили его всего. Один из осколков извлекли в Балаковской больнице, а другой остался, 58 лет живет с ним ветеран (рана беспокоит время от времени, открываясь).

Всю свою жизнь Валентин Степанович проработал в родном колхозе, носившем громкое название «Путь к коммунизму». В летние лагеря гонял отары овец, был пастухом дойного стада. Окончив курсы водителей, в 1951-м, стал ещё и шофером. С 1970-го, как появилось в Раевке свое пожарное депо, с гордостью нес нелёгкую, но ответственную службу. На пенсию вышел в 1986 году, но ещё три года возглавлял профком хозяйства. И сейчас без Степаныча немислимо представить горячий сезон на току, он продолжает живо интересоваться жизнью колхоза.

С первой женой прожили счастливо 33 года. Шура Смыслова, повариха колхозной бригады, ждала Валентина с фронта, писала письма. О ней узнали товарищи по госпиталю из бреда, в котором Валентин, отходя от наркоза после операции, выложил всё о себе и своей довоенной жизни.

После смерти супруги Валентин Степанович женился на солдатской вдове Валентине Федоровне Московкиной. На двоих у них пятеро детей, которых не делят на «папиных» и «маминых». Общие внуки, правнуков уже пятеро. И все обожают героического деда – желают ему здоровья побольше и вечной его неутомимости. Пусть меньше будет тревог, а беды всегда обходят ваш дом стороной!

*Наталья Музафарова,
Ивантеевский район,
по материалам районной газеты, 2008 г.*

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

Сергей Рубцов родился в 1922 году в деревне Глебовка Турковского района. В те времена никто не мог предугадать, насколько драматичной окажется его судьба. Будучи совсем маленьким, Сережа вставал с зарей и помогал в поле родителям и старшему брату. В 1933 году семья переехала в Турки.

Мальчишка рос трудолюбивым, творчески любознательным, впитывал в себя новые знания и впечатления. В школе у Сергея были любимые предметы: литература и рисование. Сережа писал прекрасные сочинения, особенно близка ему была тема природы и Родины. Его стихи были украшением школьных стенгазет: трогательные строчки о любви к матери, о Родине никого не оставляли равнодушным.

Но литературное творчество, как он считал, не могло передать всей красоты родного края. В редкие часы досуга Сергей занимался рисованием и лепкой. Он рисовал пейзажи и портреты маслом и акварелью на фанере и на холсте, на чем придется. В доме родных долгое время хранились написанные им портреты Ленина и Пушкина. Сергей был талантлив – учителя и родные поражались его способностям. Ему также легко давались и точные науки. Родители мечтали видеть его инженером, но он уже тогда решил свою судьбу – быть защитником Родины, и в 1939 году Сергей поступил в Казанское высшее танковое училище.

А дома в Турках остался верный друг детства девушка Любушка, нежные чувства к которой будущий танкист мог выразить только в письмах. В глазах стояла она – девушка-тростинка в белом платице горошком. Она, с которой писали школьные сочинения, спорили о смысле жизни, она, которой от робости боялся признаться в любви...

Из танкового училища летели письма, где каждая строчка была наполнена нежностью и надеждой. Ах, как он рвался увидеть ее хоть на

мгновенье, но верность избранному делу заставляла его изучать военную науку, ведь так хотелось освоить все премудрости и сделать танк в бою непобедимым для врага. А Любушка с волнением перечитывала строчки:

«Любонька, дорогая, я буду всегда любить Вас, и жить ожиданием встречи».

Настал роковой 1941 год. Грянула война. Сообщение о вероломном вторжении немецко-фашистских захватчиков, о бомбежках наших городов, сразу изменило жизнь. Ускоренным выпуском весной 1942 года Сергей был отправлен на фронт. Тогда же его семья получила письмо, где он, успокаивая маму, писал:

«У меня все хорошо, еду на фронт, не волнуйся за меня, родная».

А через некоторое время пришло письмо:

«Мама, я назначен командиром танка. Приходится командовать людьми, которые годятся мне в отцы. Стоим в лесу. Будем бить врага и победим!».

И они остались ждать: семья и любимая девушка Люба.

А в конце лета пришло последнее письмо:

«Люба, я не забыл Тебя, продолжаю ждать встречи...»

Подробнее опиши вашу жизнь. Интересно знать как живете. Ты не представляешь, как здесь ждут писем. Это событие, радость, а иногда и воодушевление! Снова ожидаю. Сергей».

И, так же как и он, Люба ждала, верила, надеялась, но не знала, где находится тот, о котором все ее мысли и мечты, а самое главное – что с ним. Она не спала ночами от смутной тревоги. Сердце щемило от недобрых предчувствий. Ждать дальше не было сил, и она отправилась на фронт.

...Тянулись тяжелые, страшные военные месяцы, переходящие в годы.

Настал 1945 год. С фронта вернулся отец Сергея - Григорий Степанович Рубцов, для которого эта война была уже третьей. Когда он участвовал в героическом освобождении польского города Щецин, он ничего не знал о трагической судьбе сына и надеялся на скорую встречу. Сразу после окончания войны семья стала разыскивать Сергея, направляя многочисленные запросы в Центральный архив Министерства обороны. Последовали ответы: «В списках погибших не значится. Пропал без вести».

Несмотря на это два близких человека - мама и невеста Любушка, ждали его всю жизнь, до самой своей смерти.

Мартышина Любовь Ивановна родилась в 1922 году. В 1941 году поступила в Балашовский педагогический институт, а в ноябре 1942 года студентка 2-го курса была призвана в армию. Воевала младшим сержантом, командиром отделения ПВО (зенитчица) на Белорусском фронте.

Демобилизовалась в июне 1945 года. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», отличник ПВО.

С октября 1945 по октябрь 1946 года обучалась в Саратовской высшей партшколе. С 1946 по 1948 год работала редактором местного радиовещания, где вела программу о Великой Отечественной войне. В это же время заочно окончила Балашовский пединститут. С 1948 по 1949 гг. – второй секретарь райкома ВЛКСМ, с 1949 по 1951 гг. – ответственный секретарь газеты «Коллективист», с 1951 по 1978 гг. – заведующая учебной частью и учитель русского языка и литературы в Турковской средней школе.

Мартышина Любовь Ивановна, Любушка, так и не вышла замуж, храня верность первой любви.

*Г.С. Фомин,
город Саратов, 15 июля 2009 г.*

ПАМЯТЬ ЖИВА...

Мой отец Асташев Иван Иванович родился 20 июля 1919 года в селе Иловатка Старополтавского района Сталинградской области. В семье было трое детей: Иван, 1919 года рождения, Мария, 1922 года рождения и Татьяна 1925 года рождения. Отец работал ветеринарным врачом, мать воспитывала детей, была домохозяйкой. В 1927 году мать умерла. Иван помо-

гал отцу в работе, по хозяйству. Времена были голодные.

В 1935 году отец заболел брюшным тифом и умер в Ровенской больнице Саратовской области. Дети остались сиротами. Ивана и Марию отправили в училище, а маленькую Татьяну взяла в свою семью учительница.

В 1939 году Ивана призвали в армию. Служил он в городе Можега Удмуртской АССР. Оттуда Иван ушел на фронт. В боях под Ельней был тяжело ранен в голову и взят в плен. Немцы сделали ему операцию на лице, на правой руке был удален большой палец и отправили в концлагерь в Чехословакию. Чешские партизаны отбили эшелон с пленными и освободили их. Иван ушел в партизанский отряд и до конца во-

йны воевал с немцами на территории Чехословакии, до соединения с советскими войсками.

Вернулся с войны с изуродованным лицом инвалидом 3-й группы. Наверное, не решился сразу показаться любимой девушке, которая ждала его в Ровном. Приехал к сестрам Марии и Татьяне в Красный Текстильщик, где Мария работала на фабрике. Поработал до весны 1946 года и по льду через Волгу ушел в Ровное. Женится и стал работать ветфельдшером.

В семье родились трое детей: Владимир, Татьяна и Наталья. Иван Иванович был прекрасным семьянином, добрым, отзывчивым человеком, отличным специалистом. Все его уважа-

ли и любили. Много читал, любимыми книгами были «Война и мир» Л. Толстого и «В чужой стране» Л. Войнич. В детях воспитывал честность, трудолюбие, активность, взаимопомощь, добросовестность.

18 июня 1968 года отец трагически погиб и похоронен на Ровенском кладбище.

Добрая память о нем живет в сердцах детей, внуков, родных и близких, сотрудников и земляков.

*Дочь Т. Асташева,
р.п. Ровное,
Саратовская область*

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ.

Я Приказчикова (Курдюмская) Вера Борисовна вспоминаю о тяжелых событиях Великой Отечественной войны, о своих земляках, которые в военные годы защищали страну, укрепляли тыл, работали и приближали желанную победу. Чтобы современная молодежь знала, как жили тогда люди в советской колхозной деревне, какой неимоверной ценой досталась свобода и мир на российской земле.

Цените, любите жизнь и свободу, которую вам подарили.

Будьте добрее друг к другу и любите нашу Родину, как мы ее берегли, любили и продолжаем любить! Будьте счастливы!

Мне было 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. Фашисты вероломно напали на нашу землю. Словно черная туча нависла над нашей страной. В селе Поповка Саратовского (тогда Ворошиловского) района, где я жила, в течение недели забрали на фронт всех мужчин, остались только старики, женщины с детьми и девушки.

Потом стали призывать и девушек. Самой старшей из них, Лапиной Нине было двадцать

лет. Она была летчицей. Я помню, как однажды она прилетала на самолете навестить больную мать. Это была их последняя встреча. С фронта Нина не вернулась, погибла в воздушном бою.

Наши односельчанки: Конева Вера – была снайпером, Аршинова (Кравчук) Антонина и Куликова Нина – радистками, Куликова дошла до Берлина, Еремина Раиса – телеграфисткой. Эти девушки воевали до конца войны и вернулись домой.

Моя бабушка Наталья Осиповна Григорьева вырастила шестерых детей. Перед войной проводила в Красную Армию на действительную службу сына Николая и больше его не ви-

*Приказчикова Вера
Борисовна, род. 1930 г.
Ветеран трудового фронта
Великой Отечественной
войны. Село Поповка,
Саратовский район*

Григорьева Анастасия
Давыдовна. Врач.
Погибла 9 мая 1945 г.
Фотография 1942 г.

дела – на войне пропал без вести.

Две дочери Анастасия и Матильда – врачи, тоже были на фронте. Обе работали в передвижном госпитале, возили тяжелораненых. Анастасия Давыдовна не вернулась: попала под поезд, ей отрезало ногу. Спасти не удалось, умерла во время операции.

Матильда Давыдовна воевала до конца войны и вернулась домой. В мирное время работала врачом в Нижнем Тагиле.

Дочери Мария, Агриппина и Шурочка работали в Поповке в колхозе, крепили тыл. Шурочка умерла на колхозном поле от перегрева на солнце. Ей было четырнадцать лет.

В тылу тоже «шла война». Фронту нужны были рабочие руки. Все мужские заботы легли на хрупкие женские плечи. Женщин и мальчиков-подростков стали срочно учить на трактористов, чтобы пахать, сеять и растить хлеб. Трудились в поле день и ночь: двадцатилетние Анна Аршинова (Анна Петровна Новикова) и Евдокия Кондратьева, восемнадцатилетняя Мария Киреева. Мальчишкам Ивану Аршинову было тринадцать лет, Сергею Верхову, Александру Игонину (позже умер от тифа), Николаю Гусеву – по двенадцать лет. С ними тогда работал и был их наставником, оставленный по брони Петр Филиппович Киреев, бригадир тракторной бригады.

Убирали хлеб, были штурвальными на комбайне Клавдия Киреева, Анна Еремина, Егор Еремин, Петр Игонин. Им во всем старались помочь маленькие труженики. Ребятишки

отвозили на лошадях зерно от комбайна, развозили воду по бригадам. Это десятилетние мальчишки Константин Барсуков, Юрий Шпелев и Владимир Матвеев. Работали до темноты, безмерно уставали.

Не обходилось и без несчастных случаев. Я помню, что учетчик полевой бригады Петя Сироткин допоздна работал в поле. Усталость сморила его, он уснул в борозде и погиб под колесами трактора.

Больше других доставалось тем, кто был старше. Они возили на лошадях и перетаскивали на колхозный ток мешки с зерном. Тяжелее всех было Владимиру Аршинову и Григорию Михайлову. Им помогал старик Никита Гаврилович Орлов. Он работал в поле, возил воду в полеводческую бригаду, помогал скотникам. Два его сына погибли на фронте.

В полеводческой бригаде также работала Арина Шпелева. А ее малолетний сын Юра и Иван Аршинов отвозили зерно от комбайна, ночью дежурили по селу. И только зимой, когда заканчивалась сезонная полевая работа, учились в школе. Но и тогда работа находилась – ходили к старым людям, помогали им – носили воду, пилили дрова. Не только они, но и остальные подростки не обходили вниманием пожилых людей. Они делали все, о чем их просили. Помочь старикам было некому – сыновья воевали или погибли на фронте. Не вернулись с фронта отец и старший брат Ивана – Аршиновы Петр Тимофеевич и Николай.

У Кузнецовых Елизаветы и Степана Харламовича погибли два сына – Владимир и Василий.

У Семиных Марфы и Сергея Кузьмича погиб старший сын Александр. Михаил по брони работал на военном заводе. Иван был надсмотрщиком правительственного линейного провода.

Варвара Яковлевна Григорьева ухаживала

за лошадьми. Ей помогали в этом мальчишки-подростки. Вместе они выращивали хороших жеребят, а потом отбирали лошадей и отправляли на фронт.

Иголина Пелагея Тихоновна, мать шестерых детей, работала скотницей. Трое ее детей умерли от тифа.

Вернулся с фронта с орденами на груди, но без ноги Григорий Михайлович Кузнецов. До конца войны он работал трактористом. Несмотря на тяжелые ранения, работали вернувшиеся с фронта Анатолий Власов, Владимир Кузнецов, Василий Гусев.

Оправившись после тяжелого ранения, стал бригадиром тракторной бригады участник войны Алексей Иванович Гусев.

Но и те, кто приезжали в отпуск после ранений, тоже работали в колхозе. К примеру, Владимир Петрович Краснов. Работал, поправлялся и опять шел на фронт догонять свою часть.

Не обращая внимания на ранения, фронтовики, как могли, старались облегчить женский и детский труд. Это инвалид 1 группы Александр Сироткин, бывший моряк (после войны он работал завклубом), десантники Николай Сироткин, Виктор Абрамов.

Были и так называемые «трудовики», которых отправляли в Саратов и другие города страны для срочной работы по государственному заказу. Так, Егор Барсуков работал в Саратове на заводе, где собирали самолеты. Тимофея Дедянина направили в Балаково, где он работал трактористом. Николая Гусева – в шахты, там он и погиб. Таисия Курдюмская и Нина Еремина убирали снег на аэродроме в поселке Сокол, а в конце войны их направили учиться на агрономов. Нина Тимофеевна Дедянина – работник почты, но летом работала еще и в поле, а зимой ездила убирать снег на аэродроме.

Подростков Николая Чукалина, Маргари-

ту Завидову, Тосю Гвоздеву, Григория Михалева, Веру Курдюмскую отправили учиться в ФЗО в Саратов.

Нелегко было в те годы матерям, имевшим маленьких детей. Прасковья Мироновна Барсукова была нашей кормилицей. На все село одна пекла хлеб и успевала. А ведь у нее было трое детей.

Труженицы полевой и огородной бригад: Зоя Львовна Кузнецова, Мария Нестеровна Левушкина, Татьяна Сергеевна Каржина, Анна Федоровна Каржина, Анна Семеновна Краснова. Вера Ксенофонтовна Гусева растила пятирех детей: двоих своих и троих приемных. Она работала в огородной бригаде вместе с Верой Трофимовной Гусевой, у которой тоже были маленькие дети, охраняла зерно с Марией Давыдовной Курдюмской – матерью троих детей.

Для малышей в двух частных домах были открыты ясли-сад: один от сельсовета, другой – колхозный. Мы, девочки, помогали заведующей и воспитателям возить грудных малышей на лошадях к кормящим матерям, работающим в поле. Делали все, что могли: помогали малым и старым, дежурили в селе, следили, чтобы в вечернее время не было света ни в одном доме. Делились каждой крошкой хлеба с теми, у кого ее не было, потому и выжили.

А на войне, как на войне.

Саратовский район, в том числе село Поповка, считался прифронтовой зоной. Над селом пролетали немецкие самолеты, бомбили мост через Волгу, заводы «Крекинг», авиационный. Немецкие самолеты сбивали наши зенитные установки, находящиеся у деревни Новая Александровка. Подбитые самолеты падали на Алтынной горе.

Люди были бдительны. Однажды, повар тракторной бригады Татьяна Алексеевна Семина пошла за водой. К ней подошли двое мужчин в обычной одежде. Женщина обратила внима-

ние, что ботинки у них начищены до блеска. Она догадалась, что это диверсанты. Испугалась, но не растерялась. Пригласила мужчин обедать. Пока те ели, она вошла в будку, где спали после ночной смены трактористы, разбудила Виктора Бахотского. Тот поехал в Поповку и привез уполномоченного Ивана Тимофеевича Капинуса.

Диверсанты сидели на лавочке: один играл на балалайке, другой пел «Катюшу».

– Руки вверх! – крикнул уполномоченный.

Враги пытались убежать. Одному это удалось, другого застрелили. Беглеца долго искали, нашли под Сталинградом. Привозили в Поповку на опознание. Опознали.

* * *

Во время войны было нелегко всем. Невозможно представить, как тяжело было почтовым работникам разносить письма! Конечно, приходили и радостные вести с фронта, что жив, не ранен, продолжает воевать отец, брат, муж... Но люди получали и похорошки. Как трудно утешить человека, потерявшего надежду! Но нужные слова умели находить начальник почты Надежда Юльевна Китоевская, телеграфистка Раиса Викторовна Еремина (потом и она ушла на фронт), заменившая ее Александра Егоровна Барсукова, работница почты Екатерина Сергеевна Щеголева. Позже на почте работала и я – Курдюмская Вера Борисовна. Возил почту из Саратова Павел Ефимович Михайлов.

Поднимали идейный дух и настроение сельчан учителя и ученики школы. Они давали концерты: пели, плясали, читали стихи. Руководила художественной самодеятельностью Нина Сергеевна Ступина – учитель русского языка и литературы. Не оставались в стороне и комиссованные по ранениям бывшие фронтовики – инвалиды войны Иван Тимофеевич Десянин

(участник художественной самодеятельности, позднее завклубом, играл на балалайке, мандолине), Анатолий Власов и Владимир Кузнецов.

Глубокая признательность директорам школы Назару Ефимовичу Кравчуку, Василию Васильевичу Еремину, нашим учителям, техническому персоналу. Это они в те суровые годы давали нам – ученикам, знания, учили видеть и ценить прекрасное, быть добрыми и любить свою Родину, помогать колхозу, своим односельчанам.

Я, Вера Курдюмская (Приказчикова) училась в школе в восьмом классе и еще ухаживала за телятами с Тосей Гвоздевой. Телят было у нас пятнадцать голов. До школы мы заходили к своим питомцам, кормили их, потом шли в школу. Один раз бычок Русланчик заболел. Так мы в школу не пошли, выхаживали его. Умереть не дали, спасли: носили из дома тыкву, молоко, отпаивали его из бутылочки. А летом выгоняли в поле, пасли. Работали в поле наравне с женщинами из полевой бригады.

Мой папа – Борис Васильевич Курдюмский – бывший председатель колхоза, на фронте пропал без вести. А в семье у нас было трое детей. Наша мама Мария Давыдовна Курдюмская работала в садике поваром, а ночью охраняла церковь, где хранилось заготовленное зерно.

Нелегко было и тем, кто в военное время руководил нашим колхозом «12 лет Октября». Федор Ильич Куренев отвечал за все вместе с председателем сельского Совета Юрьевым, позже его сменил Арсений Петрович Чернышов.

Большая ответственность лежала и на счетоводе Павле Андреевиче Липатове.

* * *

В тылу тоже шла война, умирали, как и на фронте.

Бобылев Иван Трофимович

Приказчиков Иван Яковлевич
до призыва на фронт

Во время войны

Александр Андреевич Левушкин в 1942 году был направлен по службе в Татищево в паспортный отдел Татищевской милиции. Был убит преступниками в декабре 1942 года. Шел поздно с дежурства. Невольно стал свидетелем преступления – двое мужчин украли и несли овцу. Левушкин выстрелил вверх. Грабители решили убить свидетеля и всадили в него двенадцать пуль. Добрые люди подобрали, отвезли Александра Андреевича в госпиталь, но спасти его не удалось – скончался на операционном столе. Его жена Агриппина Давыдовна осталась вдовой с тремя детьми: дочерьми Тамарой, Ниной и сыном Станиславом.

***

Низкий поклон фронтовикам и безымянным солдатам!

Героически сражались наши односельчане на фронте.

Дождались родные с войны Ивана Трофимовича Бобылева. Он был командиром в стрелковой дивизии 5-й Ударной Армии. За отвагу и героизм, проявленный в боях при переходе границы Германии, овладение важными пунктами обороны противника, Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин объявил ему **БЛАГОДАРНОСТЬ**.

Вернулся с фронта Борис Васильевич Найтейкин. Он дошел до Берлина, награжден орденом Красного Знамени.

Виктор Петрович Сироткин прошел всю войну и дослужился до полковника.

Был тяжело ранен Алексей Иванович Гусев.

Прошли всю войну Михаил Зотов и Виктор Куликов.

Не все вернулись с войны. Многих я уже не помню – была маленькая, а напомнить некому. Они так и остались безымянными солдатами, которые защищали и отстаивали российскую землю. Низкий им поклон!

Моя свекровь Матрена Васильевна Приказчикова вырастила пятерых детей. Муж рано умер. Две дочери Пелагея и Валентина во время войны работали в колхозе. Сыновья Петр и Николай были на фронте. Самый младший Иван Яковлевич Приказчиков – мой муж, 1927 года рождения, тоже был на фронте до самой победы над Германией, служил в десантных войсках. Затем был переправлен на Восточный фронт на войну с Японией. Имеет правительственные награды, в том числе и орден Отечественной войны II степени.

Я познакомилась с Иваном в 1950 году.

После регистрации жили в Саратове с 1950 по 1985 годы. Вырастили сына и дочь. Муж умер в 58 лет от последствий военных ранений. После его смерти и смерти сына я переехала жить на родину в Поповку.

Нас, живых свидетелей войны, осталось в нашем селе только пять человек. Но мы хорошо помним тех, кто погиб в расцвете сил, при-

ближая долгожданную победу, отстоял свободу и мир на земле.

В самый светлый и святой праздник Победы — поклонимся им.

Всем счастья, мира и радости!

*Приказчикова Вера Борисовна,
с. Поповка, Саратовский р-н*

ПАМЯТИ МОЕГО ПРАДЕДА РАТАЧКОВА ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

*Вспомним их поименно,
Вспомним сердцем своим —
Это нужно не мертвым,
Это нужно живым...*

Р. Рождественский.

9 мая 2010 года наша страна отмечает 65-ю годовщину со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Все реки на земле текут вперёд и лишь одна только река Памяти поворачивает назад. Память о Победе в нашем народе вечна, ведь досталась она необыкновенно высокой ценой.

Война... Страшное слово и беспощадное... Десятилетия отделяют нас от того дня, когда прогремели последние залпы той страшной войны. День Победы — день радости по живущим и день скорби по ушедшим. День вечной памяти и гордости за тот трагический и героический подвиг русского солдата. Мы, живущие в 21 веке, низко кланяемся ветеранам Великой Отечественной войны и склоняем головы над могилами тех, кто ценой своей жизни подарил мир и покой нашей земле. Среди погибших в той войне был и мой прадедушка Ратачков Иван Петрович. О его судьбе мне и хотелось бы рассказать.

Ратачков Иван Петрович родился 14 мая 1902 года в семье крестьян Петра Кирилловича и Марии Васильевны Ратачковых в селе Перелюб Саратовской области. Окончил три класса церковно-приходской школы, до призыва

в армию занимался крестьянским трудом. В рядах Рабоче-крестьянской Красной Армии отслужил три года. Вернувшись домой, до 1938 года работал в колхозе, затем — конюхом в милиции.

С началом Великой Отечественной войны в июле 1941 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР был призван на защиту Родины. В Перелюбе его остались ждать жена Прасковья Евдокимовна и дети — 13-летний Сергей, 6-летний Иван, 3-летний Семён и дочь Анна, которой только-только исполнился 1 год. Для семьи наступило тяжёлое время — до мирной жизни было невысказанно далеко... Их разделила война. А единственное, что их могло соединить, — письма.

Без слёз эти скупые фронтовые строки читать невозможно. Вот лишь несколько цитат из писем Ратаčkова Ивана Петровича домой:

«Здравствуйте, мои родные... Кланяюсь вам по низкому поклону и желаю всего наилучшего на белом свете. Долго не писал, так 10 дней находился на передовой. Считаю денёчки, когда вернусь домой. Так хочется прижать крепко к себе всех вас. Сыночек Серёжа, я по тебе скучаю и никогда не забуду тебя. Ваня, сыночек мой, я от тебя далеко, но всегда хочу пожалеть тебя. Сыночек Ваня, ты, когда провожал меня на фронт, нашёл мне карандаш. Вот я им и пишу вам письма. Очень его берегу, беру его с собой в бой. Думаю, война скоро закончится и я должен придти домой. Сыночек Сеня, это говорит с тобой твой папа. Ты, Сеня, наверно, соскучился по мне, и я по тебе скучаю — рассказик рассказать мне некому... Прокатить на лошади тебя некому. Знаешь, Сеня, когда приду домой, будем ездить с тобой вместе. Сеня, жалею маму и Аню. Прасковья, береги себя и жалею всех детей. Желаю вам всем быть счастливыми. Остаюсь горячо любящий вас, Ратачков И. П.»

Писем было совсем немного. Если задуматься, будто бы и нет ничего героического в этих простых словах. Но ведь за ними кроется настоящее мужество — когда каждый солдат во имя жизни других, защищая свою Родину и свою семью, отдаёт самое дорогое, что у него есть, — свою жизнь. В этом, как мне кажется, и заключается героический подвиг каждого из них.

Дороги войны... Природа и время давно уже заровняли их, дожди смыли с земли пролитую защитниками кровь, ветры и бури разнесли по полям и лугам пепел пожаров и пороховую пыль. И остались эти дороги на исторических картах, да в памяти ветеранов.

Битва за Москву, Ленинградский фронт, ранение, лечение в Томском госпитале, возвращение в 732-й стрелковый полк Ленинградского фронта — вот военный путь моего прадедушки. 19 июля 1942 года красноармеец Ратачков Иван Петрович, 1902 года рождения, Саратовской области, Перелюбского района, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит... Вот и вся жизнь — всего 40 лет... В Извещении о смерти местом захоронения была указана д. Копылово Демянского р-на Ленинградской области...

Моя прабабушка Прасковья Евдокимовна Ратаčkова выполнила наказ мужа — вырастила четверых детей честными и порядочными людьми.

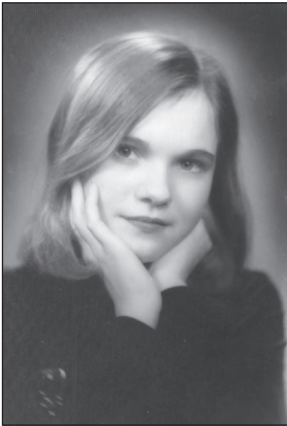
Сергей Иванович (1928-2001) всю жизнь проработал в милиции села Перелюб, у него — трое детей: Александр, Владимир и Галина; пятеро внуков: Ирина, Вера, Роман, Наталья, Александр и две правнучки.

Иван Иванович (1935-1978) жил в Перелюбе и работал в строительстве и коммунальном хозяйстве, стал отцом двоих детей Александра и Елены и дедушкой двух внуков Кристины и Виктории.

Семён Иванович (1938 г.р.) 10 лет работал Первым секретарём Перелюбского РК ВЛКСМ, следующие 10 лет были отданы партийной и советской работе, затем 10 лет Семён Иванович трудился агрономом АО «Сельхозтехника» селе Перелюб, с 1999 года он возглавляет Перелюбский районный Совет ветеранов. У него одна дочь Ольга и внучка Марина (автор данного очерка).

Анна Ивановна (1940 г.р.) всю жизнь работала экономистом в нескольких районах Саратовской области, в том числе и Перелюбском. Сейчас с семьёй живет в селе Перелюб. У неё дочь Ольга.

Жена моего прадедушки Прасковья Евдокимовна была человеком, что называется, Большой Души — трудилась всю жизнь от рассвета до заката, очень любила всех людей, была всегда весёлой, жизнерадостной, очень гостеприимной. В её маленькой землянке по праздникам чудесным образом размещалось до 30 человек гостей. Но, самое главное, она хранила Вечную

Савенкова Марина

лет. А моя мама - её внучка Савенкова (Ротачкова) Ольга Семёновна пообещала бабушке найти могилу Ивана Петровича Ротачкова. Оказалось, что это не так уж и просто...

Ни деревни Копылово, ни Демянского района на территории Ленинградской области уже нет, что связано, скорее всего, с административными реорганизациями территорий после войны. Мы с мамой начали поиск с посещения Совета ветеранов Санкт-Петербурга, делали запрос в Центральный архив Министерства обороны в Подольске, писали в областные Советы ветеранов соседних областей. В поиске нам очень помог заместитель председате-

память о погибшем муже – сохранила его письма, в День Победы всегда принимала участие в торжественном шествии к памятнику воинам-перелюбцам, погибшим в годы войны. Ей всегда хотелось побывать на могиле мужа, но, к сожалению, так и не удалось. Она умерла в марте 1989 года в возрасте 86

ля Псковского городского Совета ветеранов войны и труда Г.Ф. Меркурьев. Выяснилось, что Демянский район находится на территории Новгородской области (Великий Новгород) и там, в горном поселении Марёво, в братской могиле и похоронен мой прадед Ротачков Иван Петрович, о чём свидетельствует запись в рукописной книге прежнего Сельсовета той местности. Вот такая история...

Пусть с каждым годом всё дальше и дальше отодвигается от нас минувшая война, Великая Отечественная, но никогда она не превратится в далёкую историю, не уйдёт в позавчера, а наоборот, ярче встанет перед нами во всей своей неповторимой трагичности. Святой долг общества и государства – ПОМНИТЬ. Ведь без патриотизма не будет и России. Благодарные потомки всегда будут преклонять голову перед подвигами воинов-героев, воинов-патриотов, воинов-освободителей. Слава им Вечная, Бессмертная, Неугасимая!..

Я помню и горжусь.

*Савенкова Марина
правнучка погибшего в Великой
Отечественной войне рядового 732-го
стрелкового полка
Ротачкова Ивана Петровича.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СУЧКОВА БОРИСА ПЕТРОВИЧА

«...Наш полк расслоился в глубину.

Противник сидел в кустарнике перед селом, и нам его не было видно. По нашим рядам немцы открыли сильный миномётный огонь из нескольких миномётных батарей. Я оглянулся назад и увидел, что миномётные разрывы, похожие на черно-синие большие кусты дыма, осколков и пыли, покрыли почти всю площадь, где был наш полк. Полк залёг, уничтожение его миномётным огнём продолжалось. С нашей

стороны никто не стрелял. Все лежали, уткнув голову в землю. Вот здесь я испугался, что немцы сейчас пойдут в штыковую атаку и переколют нас штыками. Поэтому я стал стрелять из своей СВТ по мелькавшим между кустов немцам. На моей СВТ часто заклинивало затвор. Посмотрел назад. Наши пулемёты «Максим» молчат. Я вскочил, подбежал к пулемёту и увидел, что наводчик убит, а второй номер тяжело ранен. Я отодвинул их тела от пулемёта, чтобы они мне

не мешали, и из пулемёта открыл сильный огонь по мелькавшим в кустах немцам и их окопам. Наверное, я своим огнём из пулемёта уничтожил корректировщиков миномётных батарей, и миномётный обстрел с их стороны прекратился. Наступила жуткая тишина. У моего пулемёта закончились патроны. Я подполз к командиру роты и спросил: «Что делать, не продолжать ли наступление?». Тем более, полк нужно срочно выводить из зоны действия вражеской артиллерии (это я твёрдо знал из устава). Командир роты дал команду наступать. Мы вошли в кустарник перед селом и стали приближаться к селу. Но к нам подбежал адъютант из штаба полка и передал приказ возвращаться на исходные позиции.

Назад мы шли по полю, на котором час назад располагался и был обстрелян из миномётов наш полк. Это поле было покрыто воронками от мин и трупами. Страшно было видеть валявшиеся отдельно головы людей, руки, сплюснутые головы, разорванные туловища, кишки и внутренние органы. Было страшно. И мое бесстрашие объяснилось незнанием последствий.

В этом бою погибло около 500 человек из нашего полка. Полк отвели за бугор. Наступила ночь. Старшина привёз горячий ужин и водку. Но мы были так измучены, что водку не стали пить.

* * *

Бой, который я хочу описать, был у села Зелёный Гай в Запорожской области.

Противник нашу армию расчленил, окружил, уничтожил большую часть самолётами, танками и артиллерией. Остатки нашей армии стали отступать на Восток.

Наш 101-й полк был назначен в арьергард, то есть шёл последним, сдерживая врага. 8-го октября 1941 года наш полк был окружён с трёх сторон. Осталась небольшая горловина пространства на Востоке. Противник сжимал кольцо вокруг полка и, наконец, приблизился на расстояние ружейного огня.

В батальоне осталось очень мало бойцов. В первой роте было всего 12 человек, а в начале в роте было 250 человек. Комбат и политрук назначили меня командиром роты и послали в левое боевое охранение. Я вместе с 12-ю бойцами приняли влево и сразу вступили в перестрелку, продвигаясь влево. Рядом со мной шёл боец Гордеев (из Тамбова). Мы с ним договорились, что в случае смерти одного, оставшийся в живых, сообщит о погибшем на его родину.

Огонь немцев был очень плотным. Через несколько минут у моей головы просвистели пули из автомата, а Гордеев без звука упал. Пуля попала ему в голову. Я вытащил из его карманчика посмертный жетон и побежал дальше вперёд. Увидел, что немцы ведут пулемётный огонь из-за лесополосы на краю овсяного поля. Вместе со своими ребятами мы перебежали поле и достигли лесополосы. За лесополосой мы увидели немецкие окопы, пулемёт и большое зелёное поле шириной примерно 600 метров и за ним опять лесополосу.

Я велел ребятам залечь и открыть огонь по немецким окопам. Сам я увидел, как немецкий пулемётчик ведёт огонь по нашим рядам. Я решил его уничтожить. Рядом со мной лежал боец. Я ему говорю: «Ставь прицел 3, и для надёжности вместе будем стрелять по пулемётчику». Наши выстрелы достигли цели. Пулемётчика убили, а его 2-й номер выскочил из окопа и побежал по балке к себе в тыл. Но мы его ранили. Он лежал на поле и кричал. Другие немцы из окопов тоже по балке побежали к себе в тыл, и мы их увидели перед собой только на расстоянии 600 метров у дальней полосы (стрелять было бесполезно, так как попасть на таком расстоянии невозможно). Здесь же стояла легковая машина. Видно было, как немецкий офицер размахивал руками, видно заставлял своих солдат вернуться в оставленные ими окопы и забрать раненного немца. И действительно, немцы по балке стали возвра-

щаться в свои окопы. А один немец пошёл не по балке, а прямо, не таясь, в нашу сторону. Подошёл к раненому немцу, взял его на руки и пошёл в свой тыл. Мы могли бы этого немца уничтожить, так как расстояние было небольшое – 200 м. Но обречённый вид этого немца, его благородный поступок (выносил раненого товарища) так подействовал на меня, что я сказал, чтобы не стреляли, и опустил винтовку.

Я со своими бойцами продолжали вести ружейный огонь по немцам, удерживая их от наступления и давая нашему полку двигаться на Восток. Но в это время к немцам пришло подкрепление в виде миномётной батареи и артиллерии. Они открыли сильный огонь по остаткам нашего полка и по посадкам и полю, где находились мы. Мы несли потери в людях. Я приказал отходить в другие посадки и сам побежал к ним по овсяному полю. Но в этот момент недалеко от меня разорвался снаряд. Меня сильно ударило (как оглоблей) по спине, и я упал. Ко мне подбежал Саша Новожилов (ленинградец). Спрашивает что со мной. Потом он увидел мою разорванную шинель и кровь. Саша хотел мне помочь встать. Но меня не держали ноги. Тогда он оттащил меня в большую воронку от снаряда, раздел меня, сказал, что я ранен осколком снаряда в позвоночник и кое-как перевязал меня бинтом (моим и своим). От раны была сильная боль, но ещё хуже было с ногами. Ноги не двигались. Наступил паралич ног.

На поле, где я лежал, продолжали рваться снаряды. К тому же всё ближе раздавались автоматные очереди наступавших немцев. Я сказал Саше, чтобы он ушёл от меня к полку, который в это время вёл круговую оборону. От меня это было 1,5-2 км. Саша нехотя ушёл.

Я продолжал лежать в воронке от снаряда. Мне пришла в голову мысль: «Вот так же Андрей Болконский (из «Войны и мира» Льва Толстого) лежал раненый на поле. Над ним также было очень голубое небо с редкими кучами облаков...». Ещё у меня была мысль: «Я сделал

всё, что можно для своей Родины. Подходят последние минуты моей жизни. Прощайте все. Я сделал всё». От этих мыслей я успокоился.

В это время прекратился артобстрел поля, на котором я лежал, и усилился ружейный и автоматный обстрел. Пули летели над воронкой, в которой я лежал. Я не мог повернуться и видеть, но по звуку выстрелов и по крикам немцев понимал, что они приближаются ко мне. Стали слышны их шаги, а вот и немец поравнялся с моей воронкой, увидел меня, направил на меня пистолет, но не выстрелил. Увидел, что лежит раненый в крови и бинтах и, видно, стрелять в такого ему совесть не позволила.

Немецкая цепь прошла мимо меня в направлении нашего полка, стреляя из автоматов и крича: «Русь, сдавайся!». Из кустов и воронок стали выхлестывать наши бойцы с поднятыми вверх руками. Так я оказался в плену у немцев. Ко мне (к воронке, где я лежал) подошёл Саша Новожилов, который до этого меня перевязывал, и рассказал, что застрелились начальник штаба полка и комиссар, и весь полк сдался в плен. Стали подходить оставшиеся в живых бойцы и командиры. По дороге подъехали повозки обоза нашего полка. Над полем стоял крик и плач раненых. Немцы разрешили оказывать помощь раненым и убирать с поля к дороге убитых.

Саша Новожилов с помощью других ребят положили меня на плащ-палатку, отнесли и положили на повозку. Всего на повозки положили человек 8 раненых. Когда меня несли к повозке, запомнился хороший товарищ по роте Нестор, человек с мягким лирическим характером, лучший песенник роты. Он лежал на поле в пыли и своей крови, раненый в грудь, живот, шею. Он кричал и просил его пристрелить. Его тоже на плащ-палатке понесли к повозке. Но он тут же умер.

Плен.

На повозке нас провезли всего 4 км до ближней деревни Зелёный Гай и сгрузили во

дворе крайней избы. Раненые кричали от боли и просили пить. Но никто к ним не подходил. Наступила ночь.

Утром чуть свет к нам подошла хозяйка дома — старая женщина и стала нас поить. А немецкий солдат (лет 50-ти с бородой и усами) стал прикладом прогонять эту женщину. Тогда она стала кричать и звать своих соседок. Сбежались пять старух, глядя на нас, стали плакать и причитать. Потом они принесли молока и воды, чтобы смыть грязь с наших лиц. Немец стал кричать на этих женщин, прогонять их прикладом винтовки. Но женщины-старушки не испугались, стали кричать на немца, трясти перед его лицом своими кулачками и так заставили этого немца замолчать и отступить.

Часов в десять во двор заехало три повозки (из нашего полка, наши ездовые-старички) под охраной двух немцев. Нас погрузили на повозки и куда-то повезли. Везли весь день. Ночью остановились во дворе в какой-то деревне. И здесь впервые напоили (опять женщины).

На другой день к вечеру приехали на окраину Запорожья. Везли очень долго по улицам Запорожья. На улицах было немало народу. На повозках раненые кричали и просили пить. Некоторые жители подбегали к повозкам и, несмотря на угрозы немецкой охраны, клали нам куски хлеба. Одна женщина подбежала с ведром воды и кружкой и напоила двух раненых. Но немец-охранник так ударил её прикладом винтовки по спине, что она, выронив ведро, упала. Удар был такой хлесткий, что я его как будто ощутил на себе и запомнил на всю жизнь.

В одном месте к моей повозке с тротуара подошёл немец с винтовкой и положил мне на грудь сигарету (я всё время лежал лицом вверх, приспособившись, чтобы рана меньше болела) и сказал: «Я словен». Потом что-то стал говорить. Но я его не понимал. Я ему сказал: «Солдат — конвоир ист хлехт. Зверь». Словен как-то меня понял. Он отошёл на тротуар и стал

громко что-то кричать немцам конвоя. Я понял, что он их ругал.

Наш обоз из повозок раненых догнала и перегнала большая колонна наших пленных здоровых (не раненых) красноармейцев. Я очень удивился, что так много попало здоровых людей в плен из нашего и, видно, из других полков.

Наш обоз подъехал к воротам городской тюрьмы на окраине города. Постояли один час, затем по приказанию немецкой охраны повозки развернулись и нас обратно повезли в центр города. Была уже ночь. Завезли во двор какого-то двухэтажного дома. Это была больница в мирное время, а во время войны — госпиталь. Больница по своему виду и устройству очень похожа на 1-ю Советскую больницу г. Саратова. Даже забор вокруг больницы такой же (кирпичные столбики, а между ними решётки).

На носилках санитары отнесли нас с повозок в лечебные палаты. Меня на 2-й этаж. В больнице лежало примерно 200 тяжелораненых русских военнопленных. Позже я узнал, что военный гарнизон Запорожья составляли преимущественно чехи и словаки, и они старались выполнять, в какой-то степени, женевские соглашения в отношении военнопленных противника.

Утром в палату пришли медсестра и санитарка. Обмыли мне лицо, грудь, руки, ноги. Перебинтовали рану. Принесли завтрак. На мелкой тарелке манная каша и грамм 50 хлеба, чай. Персонал больницы состоял из тех, кто до оккупации Запорожья работал в этом госпитале, и добавились наши пленные врачи. Немцы никаких медикаментов и продуктов больнице не давали. Лечили раненых теми лекарствами, что были в запасе, а продукты санитары и медсестры собирали у населения. К вечеру ко мне подошёл врач и после осмотра объявил, что «завтра операция».

14 октября 1941 года меня положили на операционный стол. Хирург сказал: «Обезбо-

ливающих лекарств нет, терпи мужик». Операция была недолгой. Хирург пинцетом выдернул осколок из моего позвоночника и показал его мне. Он был небольшой, примерно 1,5 см в длину. От боли я потерял сознание. Меня перевязали и отнесли на койку в палату. Дня 2-3 была температура. А затем я обратил внимание, что могу шевелить пальцами ног. Через день-два сам стал вставать с постели и стоять, а потом стал понемногу ходить.

Всё время хотелось есть. Завтрак я описал. А обед состоял из жидкого картофельного супа, или вермишелевого супа и кусочка хлеба 50 грамм, такой же калорийности и ужин.

Мой товарищ по больнице Сабилов Сагид был в последнем бою тоже ранен в кисть левой руки и тоже попал в больницу вместе со мной. Ему быстро сделали операцию и через два дня отправили в тюрьму для пленных. Но через два дня его привели из тюрьмы обратно в больницу, так как у него началась гангрена и намечалась ампутация левой руки. Сагид рассказал мне, что в тюрьме на весь день дают один стакан проса. Очень плохо с водой. Свиристствует дизентерия. Я понял, что меня ждёт такая же участь. Решил бежать. Это было нетрудно, так как больница не охранялась немецкими солдатами. Нужно было только достать гражданскую одежду.

24.10.1941 года я впервые вышел во двор больницы, подошёл к забору, снаружи которого по тротуару непрерывно шли горожане и небольшие группы немецких солдат. Я стал просить у прохожих мужчин табаку. Один мужчина в ответ на мою просьбу стал обзывать меня, громко кричать: «Жаль, что Вас не уничтожили немцы в бою и после».

Когда мужчина отошёл, то шедшая вслед за ним девушка лет двадцати подошла ко мне и спросила: «Что Вам сказал тот мужчина?». Я пересказал его слова. Тогда она говорит: «Я принесу Вам завтра табаку». Я попросил девушку принести мне гражданскую одежду. Она

спросила, что конкретно, и сказала, что завтра в 10 часов принесёт мне одежду. И вот завтра (25.10.1941) я с большим трудом (в дверях больницы поставили охрану из полицаев, так как из больницы многие сбежали) в 10 часов добрался до забора. Девушка подошла быстро. В руках у неё был свёрток из газеты. Через прутья решётки забора свёрток не пролазил. Бросать через забор было опасно, так как в 30 метрах, на перекрёстке стоял немец-регулирующий. Но мы проследили, когда этот немец отвернулся, девушка бросила свёрток через забор. Сказала, что её зовут Зиной, что я должен написать записку о себе и положить в эту «щель» в заборе. И быстро ушла.

Я со свёртком в руках зашёл в уборную, что была во дворе. В свёртке были брюки, рубашка, легкая куртка и кепка. Я снял больничный халат, бросил его в дыру и переоделся. На ногах у меня были больничные тапочки. Осталось написать записку девушке, но оказалось, что у меня нет ни карандаша, ни бумаги. Я вышел через открытые и неохраняемые ворота больницы и оказался в потоке пешеходов. На середине улицы была длинная аллея деревьев, и на аллее стояли лавочки. Я решил сесть на лавочку против забора больницы, куда я должен был положить записку Зине, и стал ждать её, чтобы поблагодарить и посоветоваться, что мне делать дальше. Но, прождав больше часа и боясь быть «засечённым», пошёл по улице в сторону 6-го посёлка. Так кончился мой плен.

Очень хотелось есть, до головокружения, до тошноты. Решил зайти в какой-либо дом попросить воды, а хозяева, может быть, догадаются дать кусок хлеба. Зашёл в один дом. Попил воды, хлеба не предложили. Зашёл во второй дом. Семья сидит за обедом. Едят мясные щи. От его вида, и запаха, и голода чуть не упал в обморок. Выпил поданную хозяйкой кружку воды. Покормить меня они не догадались. Пошёл дальше. Не доходя метров 500 до плотины Днепрогэса, встретил женщину, которая несла

на коромысле два ведра воды. Эта женщина, замедлив шаг, но на ходу, сказала мне, что на плотине немцы проверяют мужчин. Если волосы короткие, под машинку, – значит русский солдат. Если волосы длинные – значит русский офицер. В обоих случаях забирают. Мне ничего не оставалось, как вернуться в старый Запорожье. К тому же стало темнеть, и мне нужно было искать ночлег, и устал я страшно. Еле иду. Меня догнала женщина. Попросил её о ночлеге. «А у Вас документы есть?» – спрашивает она. Отвечаю, что нет. Она говорит, что есть строгий указ Городского Головы запрещающий пускать в дом людей без документов, и мне в ночлеге отказала.

Иду дальше. Меня обгоняет мужчина лет 60-65 с внуком 16 лет, по внешнему виду простой рабочий. Я их остановил и откровенно рассказал, что я раненый и убежал из больницы, и меня никто не пускает переночевать. Что я не буду просить хлеба, только пустите переночевать. Старик согласился. Привёл меня в свой дом. Накормил щами с сухарями, кашей, постелил на полу, и я уснул.

Утром хозяин-старик покормил меня пшённой кашей, дал стёганую куртку и крепкие ботинки. Но самое важное – он посоветовал мне не переходить плотину Днепрогэса, не идти правым берегом Днепра в сторону Брянска (чтобы там вступить в партизаны) как я планировал, а наоборот, идти на восток в сторону Харькова, по железной дороге. Потому что, железные дороги разрушены, немцев на них мало, они движутся по грунтовым дорогам. Этот совет старика был правильным, и я ему до сих пор очень благодарен. Я последовал его совету. Немцы давно уже заняли Харьков, и меня от Красной Армии отделяло примерно 500 км.

Пройти по тылам врага 500 км было очень опасно и непросто. Любой немецкий солдат или полицейский могли меня расстрелять, как говориться, без суда и следствия. Опасных смертельно

для меня встреч с полицейскими и немцами было немало. Например, в селе Прохоровка (где в 1943 году был знаменитый бой советской и немецкой танковых дивизий), в крайней хате мне сказали, что в центре села, немцы расстреливают таких как я. Недалеко от центра села хозяйка дома велела мне зайти в сад сзади её дома. Я увидел 4 трупа мужчин. Хозяйка объяснила, что вчера приехали две машины с немецкими солдатами. Стали проверять дома и этих четверых мужчин застрелили в её саду, не спросив у них документов, просто по возрасту определив, что они бывшие красноармейцы.

Я стал идти осторожнее. В селе Погорелое один старик мне сказал, что в их селе вчера были разведчики из Красной Армии. В следующем селе Псинка мне сказали, что в соседнем селе стоит отряд Красной Армии. Нужно только перейти поле вдоль оврага. Я пошёл по гребню оврага, но меня заметили два верховых немца. Поскакали в мою сторону. Я спрыгнул в овраг и спрятался в густых кустах. Немцы подъехали к краю оврага и стали вести огонь из винтовок по кустам оврага. Но в меня не попали. Со стороны села, где был отряд Красной Армии, по верховым немцам стал бить пулемёт, и немцы отъехали. Я переждал, а затем по дну оврага дошёл до села. Увидел, что по улице едет на санях красноармеец со звёздочкой на шапке, и очень обрадовался. Такую звёздочку я не видел более 1,5 месяца. Это было 25.11.1941 года.

Думаю: «Кто же защитил и помог пройти 500 км по тылу врага? Наверное, молитвы моей матери, украинские и русские женщины, укрывавшие меня от полицейских, согревавшие в своих хатах, целый месяц кормившие меня, дававшие на дорогу не только кусок хлеба, но иногда и кусок сала или пирога. Ведь у каждой из них в Красной Армии были или муж, или сын, или брат, родственник, сестра. Они думали, что и их родным-воинам также кто-то поможет.

Я попросил красноармейца, что ехал на санях, показать квартиру комиссара полка. Ко-

миссар расспросил меня и велел завтра ехать в г. Старый Оскол – пункт сбора «окруженцев». В Старом Осколе в большом 4-х этажном здании работал Особый отдел, проверяющий «окруженцев». Меня для беседы на 2-й день вызвал майор-чекист. Расспросил меня, посмотрел мой единственный документ – рану на позвоночнике. Моя рана загноилась и воспалилась.

На другой день во дворе были построены все «окруженцы», прибывшие в Старый Оскол. Нас оказалось человек 200. Из вражеского окружения, оказывается, вышло очень много, может быть, многие десятки тысяч. Перед нами выступил комиссар. Поздравил нас с выходом из окружения и возвращением в Армию. Он также спросил, есть ли среди нас раненые, и попросил раненых выйти из строя. Вышло четыре человека, в том числе и я.

Раненых отправили поездом в госпиталь в г. Воронеж. Находясь в госпитале, я услышал радостную весть: «6 декабря нашими войсками начался разгром немцев под Москвой!».

В воронежском госпитале я пробыл около месяца и в начале 1942 года был переведён в выздоравливающий батальон в село Бутурлиновка около Воронежа, а затем был переведён в 16-ю инженерно-заградительную бригаду и вместе с ней оказался на передовой.

1991-1992 гг.»

Сын Анатолий Борисович Сучков об отце:

«К сожалению, на этом воспоминания отца заканчиваются. Подробности о его участии в боевых действиях, начиная с марта 1942 года и по июль 1943 года неизвестны. В «Свидетельстве об освобождении от воинской обязанности» от 25.12.1955 г., основном источнике информации об отце, на странице, названной «Краткие сведения о прохождении службы» записано, что с марта 1942 по февраль 1943 года он был командиром отделения в 1-м инженерно-специальном батальоне, но не ука-

зано в составе какого полка, дивизии и армии. Сам отец написал, что был «переведён в 16-ю инженерно-заградительную бригаду и вместе с ней оказался на передовой». По-видимому, в состав 16-й бригады и входил 1-й инженерно-специальный батальон, но неизвестно, где, на какой территории, и как отец воевал, где был второй раз ранен в плечо 07.04.1942, где лечился, да и лечился ли, и т.д.

С февраля 1943 года по 20.07.1943, как указано в том же «Свидетельстве», отец – командир отделения в 60-й стрелковой дивизии. Однако не указано, ни названий и номеров армии, полка, батальона, роты. Неясно, был ли он просто переведён в эту дивизию, или 16-ю инженерно-заградительную бригаду реформировали в дивизию. И опять же неизвестно, где воевала эта дивизия. Скорее всего, конечно, где-то в районе Воронежа, но, конечно, хотелось бы уточнить.

Всё-таки в этом «Свидетельстве» записаны очень краткие сведения, но ведь откуда-то их переписывали в «Свидетельство» в Романовском райвоенкомате и, значит, их можно попытаться найти.

Из всех рассказов отца о войне я запомнил только два эпизода.

По рассказам отца в 1943 году их часть воевала где-то, как мне помнится, в районе г. Калач Ростовской области. Однажды ранней весной ему пришлось, как он рассказывал, пролежать всю ночь в снегу. Наутро было назначено наступление, и наши бойцы должны были ночью как можно ближе подойти к деревне, которую предстояло отбить у немцев. А незадолго до этого, отец грелся у костра, задремал, и не заметил как прожог носок одного валенка. Всю ночь отец пытался чем-то закрыть эту дырку в валенке, но это плохо получалось, и нога сильно мёрзла.

Рано утром пошли в атаку, и выбили немцев из деревни. Отец забежал в одну избу и увидел, что немцы бежали в такой спешке, что на столе ещё лежала на тарелке горячая картошка, нарезанное сало, горячий чай – видно немцы

собирались завтракать. Отец схватил несколько картошек, завернул их в какую-то тряпку и хотел бежать дальше. Но тут он увидел хорошие крепкие немецкие сапоги. И, хотя они были, большого размера, он вырезал из немецкого байкового одеяла новые портянки, переобулся в эти сапоги и побежал дальше в наступление. Как он говорил, в тех сапогах он чувствовал себя просто счастливым, и они ему ещё долго служили.

Но даже хорошие сапоги не смогли защитить отца. Его здоровье в 1943 году стало ухудшаться, возможно, из-за частых переохлаждений, и к лету его ноги стали как парализованные. Видимо, как он говорил, опять сказалось его старое ранение позвоночника в 1941 году.

Его опять отправили в госпиталь. Причем, его полностью лежащего везли на барже по Волге со стороны Сталинграда в Самару. В Саратове баржа стояла несколько часов, и отец попросил какого-то мальчишку сбегать домой и позвать к барже мать, благо жила она недалеко от пристани, на улице Большая Горная. Мальчишка прибежал домой, но мать была на работе, и он тогда побежал к ней на работу, на швейную фабрику. Всё-таки она успела прибежать на пристань и повидаться с сыном. И вроде бы она даже смогла уговорить оставить сына в Саратове и не везти его в Самару. А, может быть, всё-таки через некоторое время по просьбе отца его перевели из Самары в Саратовский эвакогоспиталь №1056 – точно не помню. Где в Саратове находился этот госпиталь – пока не знаю. *(Во время советско-финляндской войны и с 13.09.1941 г. 1056-й эвакогоспиталь располагался в зданиях Зооветеринарного института, пл. Революции, 1 и Сельхозинститута, ул. Радищева. После войны до 1948 года – Межобластной нейрохирургический госпиталь инвалидов войны. 27.04.1955 г. документы госпиталя были переданы в Центральный Архив МО СССР и военно-медицинский музей. Примечание редакции).* В нём отец пролежал до 31.08.1943 года, и его выписали как инвалида 2-й группы. А уже в ноя-

бре 1943 года отец снова пошёл на работу в Саратовское паровозное депо. Причем, целый год, как он рассказывал, ходил на работу на костылях! Наверное, пенсию по инвалидности тогда не платили, или она была очень маленькой. Правда в пенсионном удостоверении указано, что пенсия ему назначена с 02.09.1943 года в размере 300 руб. и надбавка 75 руб. для сержантского состава. Кроме того, ему, как инвалиду, железная дорога дала комнату 12 кв.м. в коммуналке гораздо ближе к депо, в районе 1-й городской больницы (Весенний проезд, 24). В этой комнате он прожил 17 лет с матерью, женой и сыном.

К счастью, болезнь потихоньку отступала, здоровье отца улучшалось, он мог уже ходить без костылей, а в 1948 году ему даже сняли инвалидность.

К сожалению, я больше ничего не запомнил из рассказов отца о войне. А он много рассказывал, и всегда говорил, что для него война – это самое главное событие в жизни, и он никак не может её забыть, и ему часто снятся бои и другие события этой страшной войны.

С 1956 года и до пенсии отец работал преподавателем в железнодорожном техникуме, в котором сам учился в 30-х годах. Он пользовался большим уважением в коллективе, был председателем профсоюзного комитета и организовал строительство жилого дома силами самих преподавателей.

Во время строительства дома (1958-1960 гг.) он простудился, и вновь открылись старые раны. Опять отказали ноги. Опять он мог ходить только на костылях. Он долго лечился, перенёс множество операций. Здоровье опять стало лучше, и он мог ходить без костылей, с палочкой, но в 1988 году, к 70-ти годам, одну ногу всё же пришлось ампутировать.

Вот такая военная биография отца.

Октябрь 2009 года».

(Воспоминания и комментарий публикуются в редакции Сучкова А.Б.)

ИМЕННЫЕ САМОЛЕТЫ – ФРОНТУ

В годы Великой Отечественной войны Саратовская область была прифронтовой, 580 тысяч саратовцев ушли на фронт и более 300 тысяч из них сложили свои головы за Родину. Мы помним и о том, что саратовцы внесли огромный вклад в дело победы, отправив на фронт целую воздушную армию именных самолетов. Читатель может удивиться: не знаю такой армии! Но она была! Те сотни самолетов, отправленные на фронт, на которые собирали личные сбережения саратовцы, и составляют по количеству воздушную армию. По оценкам историков, ее боевой состав насчитывал около 1,5 тысяч истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков и санитарных самолетов. Все эти самолеты носили на борту дарственные надписи от саратовцев лично, от колхозов, районов, заводов, организаций, театров, учебных заведений и так далее.

Люди в трудную для Родины годину отдавали на ее защиту последние рубли, пополняя тем самым государственную казну и восполняя финансовые потери, неизбежные в такой войне. Огромная часть средств, по различным оценкам около 400 миллионов рублей, сданных саратовцами государству пошла на строительство самолетов для фронта. Большая часть именных самолетов была построена на Саратовском авиационном заводе (в то время завод № 292 НКАП) – это прославленные истребители Як-1 и Як-3. Но среди именных самолетов были и бомбардировщики Пе-2 (например, самолет В.И. Лозгачева из Куриловского района, на его самолете воевал сын Петр стрелком-радистом), По-2 (например, самолет студентов и преподавателей Саратовского СХИ, подаренный ими И.В. Дрягиной).

Первым в строю именных самолетов стоит самолет ворошиловских колхозников села Усть-Курдюм, подаренный Герою Советского Союза В.И. Шишкину в ноябре 1942 года. Колхозники собрали на этот самолет свои трудовые рубли. Почин был сделан, и десятки, сотни имен-

ных самолетов полетели на фронт. На заводе изготовили трафарет для нанесения надписей на борту именных самолетов: «Защитникам Сталинградского фронта от колхозников... района Сар. области». В конце декабря 1942 года в 8-ю Воздушную Армию прибыл боевой самолет с фамилией Ф.П. Головатого на фюзеляже, и тогда на фронтах зазвучали фамилии саратовских колхозников Ф.З. Бунина, Е.В. Желтовой, Я.К. Кошелева, С.Г. Решетова, М.А. Савельевой, А.С. Селивановой, И.Д. Фролова и многих других колхозников. Таковых было около 70. Имя А.С. Селивановой наносилось на три самолета, Ф.П. Головатого на два. Есть среди патриотов и имя академика В.Н. Образцова – депутата Верховного Совета СССР от ртищевцев, организатора железнодорожного дела в стране. Подаренный им фронту самолет Як-1 «Ртищевский железнодорожник» принес славу Героя летчику А.Ф. Лавренову, впоследствии сбитому над Сивашем 26 марта 1944 года. Еще один самолет, но уже балашовских колхозников, также сделал Героем П.М. Вострухина, погибшего 19 июля 1943 года. 3 сентября 1999 года был открыт памятник в Москве на улице его имени. Таких примеров можно привести великое множество.

Сейчас известно около 100 фамилий летчиков, получивших в дар боевые машины от саратовцев. Среди них есть и генерал-полковник А.Н. Катрич, совершивший первый ночной высотный таран в небе под Москвой.

Долго после войны продолжалась его дружба с колхозником И.Д. Фроловым, подарившим фронтовику самолет. Бывшая летчица 46 гвардейского полка И.В. Дрягина, ныне доктор сельскохозяйственных наук, с гордостью показывает записи в своей летной книжке, где кроме сотен её ночных боевых вылетов на бомбежку противника записан и маршрут с фронта за дарственным самолетом в родной Саратов, откуда она со студенческой скамьи ушла в бомбардировочную авиацию.

Получить именной самолет было большой

гордостью для летчика, а бить фашистов на таком самолете – святой обязанностью.

Сейчас известны многие именные самолеты и эскадрильи саратовцев, но все-таки о многих нет никаких сведений – ведь в годы войны не всегда была возможность зафиксировать это событие, да многие и не думали об этом. Сколько патриотических дел остались безымянными!

Мы приводим список эскадрилий, звеньев и самолетов, на которые саратовцы собирали свои трудовые рубли. В названиях этих именных самолетов просматривается дух того времени, желание приблизить победу, одолеть проклятого врага. Читая их, приходишь к выводу, что не победить мы не могли, ибо потенциал русского народа неиссякаем.

САРАТОВСКИЕ ИМЕННЫЕ САМОЛЕТЫ

«Сталинскому соколу майору Шишкину от «колхоза «Сигнал революции» Ворошиловского р-на»	Як-1
«Герою Советского Союза майору Шишкину от колхоза «Сигнал революции» Ворошиловского р-на Саратовской области»	Як-1
Сталинградскому фронту от колхозника артели «Стахановец» тов. Головатого»	
«Летчику Сталинградского фронта гвардии майору тов. Еремину от колхозника колхоза «Стахановец» тов. Головатого»	Як-1
«Аркадаковец»	
«Аткарский железнодорожник»	
«Аткарский колхозник»	
«Балашовец», авиазвено	
«Балашовский колхозник Саратовской области»	несколько самолетов Як-1
«Балашовский комсомолец»	авиазвено
«Балашовский коммунальщик»	1 самолет
«Балашовский паровозник»	1 самолет
«Балашовский путеец»	2 самолета
«Боевые подруги»	эскадрилья
«В бой за Сталина»	1 самолет
«Волжанин»	4 самолета

«Волжский путеец»	авиазвено
«Вольский гортеатр»	1 самолет
«Вольский колхозник»	1 самолет
«Вольский комсомолец»	1 самолет
«Вольский пионер»	1 самолет
«Вольский осоавиахимовец»	Як-3
«Вольский цементник»	3 самолета
«Госпиталь - фронту»	
«Дергачевский колхозник»	эскадрилья
«Дмитриевка - своим сыновьям»	2 самолета
«Духовницкий комсомолец»	несколько самолетов
«Духовницкий пионер»	1 самолет
«Ершовский колхозник»	
«Ершовский осоавиахимовец»	1 самолет
«Железнодорожный строитель»	5 самолетов
«Жерновский осоавиахимовец»	
«За советскую науку»	эскадрилья
«За счастливое детство»	
«Защитникам Сталинграда от железнодорожников Рязано-Уральской ж.д.»	Як-1
«Защитникам Сталинграда от колхозников Духовницкого района Саратовской области»	8 самолетов
«Защитникам Сталинградского фронта от колхоза «Большевик» Хвалынского района Сар. области»	Як-1
«Защитникам Сталинградского фронта от колхоза им. Ворошилова Балаковского района Сар. области»	Як-1
«Защитникам Сталинградского фронта от колхозников колхоза «Факел социализма» Хвалынского района»	Як-1
«Защитникам Сталинградского фронта от колхозников Жерновского района Саратовской области»	2 самолета Як-1
«Защитникам Сталинградского фронта от колхозников Красноярского района Саратовской области»	Як-1
«Защитникам Сталинградского фронта от колхозников Лысогорского района Сар. области»	2 самолета Як-1
«Защитникам Сталинградского фронта от комбайнового агрегата Фурманова И.Т. гор Аткарска Сар. области»	4 самолета Як-1
«Имени колхоза «Стахановец» Старожуковского сельсовета»	1 самолет
«Имени свиноводов Саратовской области»	эскадрилья
«Ирине Дрягиной от преподавателей и студентов Саратовского СХИ»	По-2
«Качинцу от качинцев»	
«Кировский школьник»	
«Колхозный труд»	

«Комсомолец ПРИВО»	эскадрилья
«Краснокутский колхозник»	
«Краснокутский комсомолец»	
«Краснопартизанский комсомолец»	3 самолета Як-3
«Красный химик»	
«Куриловский колхозник»	эскадрилья
«Куриловский учитель»	
«Ленинградский университет»	
«Летчикам-истребителям от Андрея Романовича и Анны Сергеевны Селивановых»	Як-1
«Летчикам-истребителям от колхозницы колхоза им. 7-го съезда советов Куриловского р-на Саратовской области Селивановой А.С.»	3-й самолет Як-3
«Лучшему летчику 1-го Украинского фронта от членов Осоавиахима завода «Молот» Сар. области»	Як-3
«Мать фронтовика»	
«Медицинский работник»	
«Медицинский работник водного транспорта»	
«Медработник РУЖД»	санитарный самолет
«Месть пионеров», Жерновский р-н	
«От колхоза им. Калинина Воскресенского района Сар. области»	
«От колхоза им. Чапаева»	
«От колхозника Василия Илларионовича Лозгачева»	Пе-2
«От колхозника колхоза «Чапаевец» Краснопартизанского района Сар. области Ивана Дмитриевича Фролова»	Як-1
«От колхозников колхоза им. Мичурина»	
«От колхозников Комсомольского района Саратовской области»	Як-1
«От колхозников, рабочих и служащих Советского района Саратовской области»	10 самолетов
«От Марии Арсентьевны Савельевой - фронту!»	
«От работников Ворошиловского райпотребсоюза (Саратов)»	
«От работников Саратовского драмтеатра им. Карла Маркса»	Як-1
«От Ферапонта Петровича Головатого 2-ой самолет. На окончательный разгром врага!»	Як-3
«Партизан», Лысогорский район	Як-1
«Пищевик»	
«Подарок от комсомольцев и молодежи завода в честь XXV годовщины ВЛКСМ Герою Советского Союза капитану Олейник Г. Н.»	Як-1
«Подарок Сталинградскому фронту от колхозника колхоза «Красная наука» Марксовского района Сар. области Бунина Федора Захаровича»	Як-1
Подарок Сталинградскому фронту от колхозника колхоза им. Крупской Н.- Бурасского района Сар. области Решетова Сергея Григорьевича»	Як-1

«Подарок Сталинградскому фронту от колхозницы колхоза им. 7-го съезда Советов Куриловского района Сар. области Селивановой Анны Сергеевны»	Як-1
«Подразделению Героя Советского Союза Шишкина В.И. от колхоза «Сигнал революции» Ворошиловского района Сар. области»	4 самолета Як-1
«Приволжский осоавиахимовец»	Як-3
«Пугачевский учитель»	
«Работник потребкооперации»	
«Работник саргорпромторга»	
«Работники искусств Саратовской области»	эскадрилья (звено)
«Работники питания - Сталинградскому фронту	
«Работники саратовского цирка - фронту»	
«Ртищевский железнодорожник»	1 самолет Як-1
«Саратовский Всеобуч»	1 самолет
«Саратовский железнодорожник»	
«Саратовский донор»	
«Саратовский осоавиахимовец»	7 самолетов Як-3
«Саратовский пожарник»	
«Саратовский призывник»	
«Саратовский школьник»	
«Славным соколам от саратовских рабочих «Союззаготтранса»	
«Советский мукомол»	
«Советскому соколу Телешевскому Михаилу от трудящихся Фрунзенского района гор. Саратова»	
«Совхозный»	
«Сталинградскому фронту от колхозников и трудящихся Базарно-Карабулакского района»	18 самолетов Як-1
«Сталинским соколам от членов Осоавиахима Ровенского района Саратовской области»	первый из эскадрильи
«Стригайский колхозник»	
«Строитель»	
«Строитель Рязано-Уральской»	
«Судебный работник»	
«Управленец РУЖД»	
«Хвалынец»	эскадрилья
«Хвалынский медик»	
«Чекист», г. Вольск	
«Червонная заря»	самолет
«Энгельсский комсомолец»	

Примечание: сохранены прежние названия районов Саратовской области.

А.В. Красильников